

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 11, № 2
2024

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 11, № 2
2024

Проблемы постсоветского пространства

Научный журнал

Т. 11, № 2
2024

Post-Soviet Issues

Scientific journal

Vol. 11, № 2
2024

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплексных теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования
- 5.2.5. — Мировая экономика (экономические науки)
- 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Владимир Иванович Аникин**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- **Евгений Петрович Бажанов**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджей Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия
- **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евро-академия, Таллин, Эстония
- **Балташ Нурмухамбетович Карипов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примова РАН, Москва, Россия
- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнглод**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	ООО «Издательство "Триада"»: пр-т Чайковского, 9, оф. 514, Тверь, 170034, Российская Федерация
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	30.06.2024
Стоимость одного выпуска:	свободная цена
Подписной индекс:	в каталогах «Урал-Пресс» — 41291
© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0 бесплатно.	

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 5.5.2. — Political Institutions, Processes, Technologies (Political sciences)
- 5.5.4. — International Relations, global and regional studies
- 5.2.5. — World Economy (Economic sciences)
- 5.6.7. — History of International Relations and Foreign Policy (Historical sciences).

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Andrei G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrei V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology "Soyuzvodproekt", Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis "The Centre of regional research"
Publisher's address:	Moscow, 127576, Abramzevskaja str. 8A
Printing house:	Publishing House Triada, Ltd. Address: 9, office 514, Tchaikovsky ave., Tver, 170034, Russian Federation
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	30.06.2024
Price for a copy:	open price
Index for subscription:	In catalogues of Ural press: 41291
© "Post-Soviet Issues". All materials are distributed under CC BY 4.0 free of charge.	

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Политика Великобритании в Центральной Азии.....104*Сергей С. Жильцов***Политическая повестка США в отношении стран Евразийского
экономического союза: проблемы и противоречия.....112***Екатерина С. Шевченко***Политика Турции в Центральной Азии: итоги и перспективы.....126***Тимур В. Андрухин***Политика Турции в Центральной Азии.....138***Дина Толеген*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Потенциал развития проектов газовой генерации в Иране и Пакистане.....147*Юлия М. Борисова, Тимур Ю. Киселев*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

**Роль русофобии в поддержании политической
идентичности украинского государства.....154***Арсентий В. Глебездин*

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

**Особенности системной истории международных
отношений и мировой политики.....168***Ирина В. Колосова*

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

The British policy in Central Asia.....	104
--	------------

Sergey S. Zhiltsov

The US Political Agenda in Relation to the Countries of the Eurasian Economic Union: Problems and Contradictions.....	112
--	------------

Ekaterina S. Shevchenko

Turkey's policy in Central Asia: results and prospects.....	126
--	------------

Timur V. Andrukhin

Turkey's policy in Central Asia.....	138
---	------------

Dina Tolegen

ECONOMY

The Perspective of Gas-fired power plants projects in Western Asia of Iran and Pakistan.....	147
---	------------

Yuliya M. Borisova, Timur Yu. Kiselev

POLITICS

The Role of Russophobia in Maintaining a Political Identity the Ukrainian State.....	154
---	------------

Arsenti V. Glebezdin

HISTORY AND RELIGION

The Specific Features of the Systemic History of the International Relations and World Politics.....	168
---	------------

Irina V. Kolosova

Политика Великобритании в Центральной Азии

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется современная политика Великобритании в Центральной Азии. В последние годы официальный Лондон усилил интерес к Центральной Азии, которая рассматривается в качестве важного направления английской внешней политики. Курс Великобритании реализуется в контексте политики коллективного Запада в отношении центральноазиатских государств. В ее основе ослабление политических и торгово-экономических отношений России со странами Центральной Азии, оказание на них давления с целью изменения внешнеполитического курса. Для Лондона важно добиться переориентации политических и экономических связей Центральной Азии с Москвой и Пекином на интересы коллективного Запада. Вовлеченность Лондона в Центральную Азию определяется наличием в регионе энергетических ресурсов, а также долгосрочными планами получения доступа к месторождениям редкоземельных металлов. В статье рассматриваются основные итоги английской политики в Центральной Азии. В статье делается вывод, что можно проводить лишь условные сравнения с «Большой игрой», которая разворачивалась между Российской империей и Великобританией в середине XIX века на просторах среднеазиатских ханств. Кардинально изменились геополитические условия и кроме того, Лондон следует в русле общей политики Запада. Тем не менее, цели Лондона в Центральной Азии практически не претерпели изменений — борьба за ресурсы и ограничение влияния России.

Ключевые слова: Великобритания, Центральная Азия, Россия, США, ЕС, энергетика, торговля

Для цитирования: Жильцов С.С. Политика Великобритании в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(2):104–111. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-104-111>

Поступила 03.06.2024

Принята в печать 19.06.2024

Опубликована 30.06.2024

The British policy in Central Asia

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

serg.serg56@mail.ru

Abstract: The article investigates the modern policy of Great Britain in Central Asia. In recent years, official London has increased its interest in Central Asia. The region is considered as an

important direction of British foreign policy. The British course is implemented in the context of the policy of the collective West towards the Central Asian states. It is based on the weakening of Russia's political, trade and economic relations with Central Asian countries and putting pressure on them to change their foreign policy course. It is important for London to reorient Central Asia's political and economic ties with Moscow and Beijing toward the interests of the collective West. London's involvement in Central Asia is determined by energy resources in the region, as well as long-term plans to gain access to deposits of rare earth metals. The article concludes that it is possible to make only a relative comparisons with the "Great Game" that unfolded between the Russian Empire and Great Britain in the middle of the 19th century in the Central Asian khanates. The geopolitical conditions have changed dramatically and, in addition, London follows the general policy of the West. Nevertheless, London's goals in Central Asia have not changed — the struggle for resources and limiting the influence of Russia.

Keywords: Great Britain, Central Asia, Russia, USA, EU, energy, trade

For citation: Zhiltsov S.S. The British policy in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(2):104–111. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-104-111>

Received 03.06.2024
Revised 19.06.2024
Published 30.06.2024

ВВЕДЕНИЕ

Политика Великобритании в Средней Азии насчитывает несколько веков. Англичане стремились утвердиться на среднеазиатском рынке путем поставок туда товаров по демпинговым ценам [1]. Одновременно с этим английские власти в Индии создавали в Средней Азии широкую сеть разведчиков [2]. «Для наблюдения за действиями России в Средней Азии была организована хорошо налаженная система непрерывного сбора информации путем разведки и географических исследований. Для этого Англия широко применяла как английских офицеров, так и местных топографов, которые получали специальную подготовку в Управлении Большой Тригонометрической Съёмки Индии — английской военной топографо-геодезической службе Индии» [3].

В XIX веке на просторах нынешней Центральной Азии разворачивалась так называемая «Большая игра» между Россией

и Великобританией. В целом, до распада Российской империи Великобритания уделяла повышенное внимание Средней Азии. В период существования СССР западные страны не имели рычагов влияния на ситуацию в Средней Азии. Лишь после распада СССР, Запад, в том числе и Великобритания, получили возможность для проведения активной политики в этом регионе. Хотя наибольшие усилия в Центральной Азии прикладывали США и ЕС, которые опирались на концептуальные документы и использовали широкий инструментарий.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ ЛОНДОНА

В последние годы Центральная Азия находится в фокусе внимания в основном США и ЕС, которые проявляли повышенное внимание к центральноазиатской «платформе». Западные страны привлекают географическое положение региона, который

границит с Россией и Китаем — основными геополитическими и экономическими соперниками Запада. Большое значение придается развитию торгово-экономических связей. Наличие в Центральной Азии значительных запасов углеводородных ресурсов также привлекают Запад. В последнее время к углеводородным ресурсам добавились месторождения редкоземельных металлов.

В последние годы к Брюсселю и Вашингтону добавился Лондон, который стал рассматривать Центральную Азию в качестве одного из приоритетов своей внешней политики. Так, в 2013 году Д. Кэмерон, в тот период премьер-министр Великобритании, посетил одно из центральноазиатских государств — Казахстан. В ходе визита, который состоялся с 30 июня по 1 июля обсуждались «перспективы развития межгосударственных отношений в различных сферах сотрудничества, а также наиболее важные проблемы международных отношений: ядерное разоружение, региональная безопасность, развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве»¹. Также было подписано «Совместное заявление о стратегическом партнёрстве». В тот период времени стороны уделили большое внимание вопросам энергетического сотрудничества. Президент Казахстана Н. Назарбаев и Д. Кэмерон открыли завод по комплексной подготовке нефти и газа Болашак, Атырауская область².

внимания Центральной Азии. Однако в последние годы ситуация стала меняться. С 2023 года Великобритания активизировала свою политику в Центральной Азии. Интерес к странам региона со стороны Лондона носит разноплановый характер и выстраивается как в контексте общей политики Запада, так и исходя из собственных задач. Геополитические интересы тесно переплетаются с экономическими задачами, которые Лондон планирует реализовывать в контексте общей стратегии Запада по сдерживанию Китая и борьбы с Россией.

В ноябре 2023 года в Великобритании опубликован доклад «Страны на перепутье: взаимодействие Великобритании в Центральной Азии»³, который определил основные задачи английской политики в Центральной Азии. Документ четко определил приоритеты Лондона в регионе, который стал рассматриваться в качестве основного внешнеполитического направления.

В представленном документе перечислены основные направления английской политики в Центральной Азии и сферы, которые привлекают английскую сторону. В целом, документ охватывает широкий спектр проблем, которые интересовали официальный Лондон. Согласно документу, Великобритания намерена проводить активную политику в центральноазиатских государствах. Лондон намерен использовать формат «C5+1», который применяют США и ряд других государств.

ЦЕЛИ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

После визита Д. Кэмерона в 2013 году Великобритания не уделяла пристального

ВИЗИТ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

22 апреля 2024 года министр иностранных дел Великобритании Дэвид Кэмерон

¹ Двусторонние отношения. <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-london/activities/1922?lang=ru&ysclid=lvtfmfr1zs745602358> (дата обращения: 23.04.2024)

² В Казахстане открыли Н.Назарбаев и Д.Кэмерон завод по комплексной подготовке нефти и газа Болашак. 1 июля 2013. <https://neftegaz.ru/news/politics/256012-v-kazakhstane-otkryli-n-nazarbaev-i-d-kameron-zavod-po-kompleksnoy-podgotovke-nefti-i-gaza-bolashak/?ysclid=lvtfzpuuoa257288888> (дата обращения: 27.04.2024)

³ Countries at crossroads: UK engagement in Central Asia. Tenth Report of Session 2022–23. Ordered by the House of Commons to be printed 17 October 2023. <https://committees.parliament.uk/publications/41982/documents/208818/default/> (дата обращения: 03.05.2024)

начал свое турне по Центральной Азии. В ходе пятидневной поездки он посетил все пять центральноазиатских государств, а также Монголию. Активизация Лондона произошла в период «наивысшего обострения геополитического противостояния запада со всем миром на территориях, составляющих пространство “Большой игры”»⁴.

В центральноазиатских государствах основное внимание Д. Кэмерон уделял развитию экономических связей со странами региона, а также оказанию поддержки английскому бизнесу, который работает в Центральной Азии. Свою поездку министр Великобритании осуществлял в рамках стратегии «C5+1». Данный формат отношений внерегиональных акторов со странами Центральной Азии получил развитие в последнее десятилетие⁵.

Д. Кэмерон посетил Казахстан спустя 11 лет после того, как совершил визит в эту страну в должности премьер-министра. В ходе визита Д. Кэмерон подписал с Казахстаном соглашение о стратегическом партнерстве и ряд меморандумов в сфере образования и торговли. С главой казахстанского МИД Д. Кэмерон подписал всеобъемлющее соглашение о стратегическом партнерстве, торговле и сотрудничестве⁶. Как отмечали стороны, этот документ «послужит правовой основой для развития двустороннего сотрудничества в еще более широком спектре областей, включая

образование, критически важные минералы, изменение климата, финансы и деловую среду, оборону и безопасность, науку и технологии, культуру, а также связи между людьми»⁷. В свою очередь, министр иностранных дел Казахстана Мурат Нуртлеу отметил, что «учитывая недавно принятую в Лондоне дорожную карту по ископаемым минералам, мы рассмотрели возможность реализации передовых проектов в области важных сырьевых ресурсов, развития Транскаспийского международного транспортного коридора и зеленой энергии»⁸.

Великобритания выдвинула инициативу по созданию нового фонда развития. В ходе визита Д. Кэмерон объявил о выделении странам Центральной Азии 50 млн. фунтов стерлингов. В течении трех лет деньги должны пойти «на инвестирование в продвижение региона к углеродной нейтральности, развитие инновационных малых и средних предприятий и экономические реформы. Это включает в себя региональную климатическую программу стоимостью 19,5 млн фунтов стерлингов и 6,5 млн фунтов стерлингов на региональные образовательные программы»⁹. Однако данные средства не могут заменить долгосрочных инвестиций России и Китая, которые оказывают стабилизирующее влияние на развитие стран региона.

Лондон намерен расширить механизмы влияния на регион через образовательные

⁴ Попова В. Изнанка британской «доброты». По следам визита Кэмерона в Центральную Азию. 2 июня 2024. <https://www.ritmearasia.ru/news--2024-06-02--iznanka-britanskoj-dobrot-y-po-sledam-vizita-kameron-a-v-centralnuju-aziju-73677> (дата обращения: 02.06.2024)

⁵ Стоянович Т. Как премьер Великобритании Кэмерон решил прикупить элиты стран Средней Азии, Казахстана и Монголии. 29 апреля 2024. <https://ukraina.ru/20240427/1054772730.html?ysclid=lw9cxuyjtc663658510> (дата обращения: 29.04.2024)

⁶ Визит Кэмерона: о чём договорились Казахстан и Великобритания. 24 апреля 2024. <https://forbes.kz/actual/officially/novye-universitety-proizvodstvo-lekarstv-stroitelstvo-avtoservisov-o-chem-dogovorilis-kazahstan-i-velikobritaniya?ysclid=lvpmlefOgd250432302> (дата обращения: 25.04.2024)

⁷ Масалиев Р. Кэмерон в Астане: «мягкая сила» с колониальным подтекстом. 05.05.2024. <https://www.ritmearasia.ru/news--2024-05-05--kameron-v-astane-mjagkaja-sila-s-kolonialnym-podtekstom-73120?ysclid=lv6whyghq576654207> (дата обращения: 23.05.2024)

⁸ Там же

⁹ Там же

проекты. Д. Кэмерон объявил о глобальной поддержке молодежи. Великобритания намерена обеспечить преподавание английского языка в странах Центральной Азии и предоставить свободный доступ к специально разработанным Британским советом учебным материалам по английскому языку.

В целом, Великобритания намерена значительно расширить возможности для граждан стран Центральной Азии в получении образования и прохождения стажировок в Великобритании. В частности, «Великобритания удвоит количество стипендий Chevening для казахстанцев, чтобы больше казахстанских будущих лидеров могли бесплатно учиться на магистерских программах в британских университетах мирового класса»¹⁰. Организация Birsöz Initiative при Оксфордском университете подписала меморандум о взаимопонимании с Институтом языкознания имени Ахмета Байтурсынова, центром образовательных программ «Болашак» и Центром казахского языка «Тіл-Қазына». Это даст дополнительные возможности для казахстанских ученых преподавать казахстанский язык в Оксфорде и проходить годовую педагогическую подготовку¹¹.

Большое внимание в ходе визита уделялось вопросам высшего образования. Университет Ковентри подписал меморандум о взаимопонимании с Primus Education о создании нового кампуса, который будет называться Университет Ковентри Казахстан. Он будет предлагать программы бакалавриата и магистратуры, в том числе в области педагогической

подготовки. Университет Королевы Белфаста и Университет Нархоз подписали меморандум о взаимопонимании. Было объявлено о планах создать три программы двойных дипломов в области бизнеса и экономики и изучить возможность более тесного сотрудничества, в том числе путем учреждения филиала Университета Королевы Белфаста в Казахстане.

Таким образом, Лондон пытается более активно использовать сферу образования для формирования в Центральной Азии позитивного имиджа проводимой политики. Образовательные программы, предлагаемые Лондоном, могут быть востребованы частью молодежи стран Центральной Азии, которая хотела бы получать образование на Западе.

В Таджикистане Великобритания анонсировала создание двух инвестиционных фондов: для поддержки малого бизнеса и для осуществления инвестиций в окружающую среду. В Киргизии Д. Кэмерон обсуждал политическое, торгово-экономическое, инвестиционное и транспортное сотрудничество. В Узбекистане был подписан Меморандум о взаимопонимании в областях региональных и международных связей и инфраструктуры, а также Совместная декларация о всестороннем сотрудничестве. Этот документ направлен на расширение сотрудничества в решении вопросов, связанных с климатом, социально-экономическим развитием, чистой энергией, декарбонизацией. Меморандум направлен на поддержку проектов инфраструктуры в Узбекистане¹². В Туркменистане стороны обсуждали вопросы энергетического

¹⁰ Визит Кэмерона: о чём договорились Казахстан и Великобритания. 24 апреля 2024. https://forbes.kz/articles/novyye_universitety_proizvodstvo_lekarstv_stroitelstvo_avtoservisov_o_chem_dogovorilis_kazahstan_i_velikobritaniya (дата обращения: 28.04.2024)

¹¹ Масалиев Р. Кэмерон в Астане: «мягкая сила» с колониальным подтекстом. 05.05.2024. <https://www.rithmeurasia.ru/news--2024-05-05--kameron-v-astane-mjagkaja-sila-s-kolonialnym-podtekstom-73120?ysclid=lv6whyghq576654207> (дата обращения: 13.05.2024)

¹² Стоянович Т. Как премьер Великобритании Кэмерон решил прикупить элиты стран Средней Азии, Казахстана и Монголии. 29 апреля 2024. <https://ukraina.ru/20240427/1054772730.html?ysclid=lv9cxuyitc663658510> (дата обращения: 15.05.2024)

взаимодействия и сотрудничества в сельском хозяйстве.

В Монголии Великобританию интересовали редкоземельные металлы. Во время визита Д. Кэмерона был подписан меморандум о сотрудничестве в сфере редкоземельных металлов. Также была представлена дорожная карта развития сотрудничества геологических служб двух государств по редкоземельным металлам¹³. Ранее в 2022 году монгольские геологи обнаружили четыре месторождения редкоземельных металлов. Считается, что в стране может быть около 80 таких месторождений¹⁴.

ИТОГИ ВИЗИТА

Дипломатическое «турне» главы внешнеполитического ведомства Великобритании по всем странам региона открыло новую страницу в отношениях Лондона и Центральной Азии. Великобритания намерена «углублять свои связи со странами Центральной Азии, уделяя особое внимание экономическому сотрудничеству, вопросам прав человека и предотвращению действий по уклонению от санкций, особенно тех, которые касаются России»¹⁵.

Последняя задача примечательна и фактически раскрывает истинный смысл поездки главы внешнеполитического ведомства Великобритании. Как и остальные западные страны, Лондон обеспокоен, что Россия обходит введенные против нее санкции. После февраля 2022 года, когда Россия начала проведение Специальной военной операции, страны Центральной Азии находятся под постоянным политическим и экономическим прессингом Запада. От центральноазиатских государств добиваются присоединения

к антироссийским санкциям и фактически — разрыва торгово-экономических отношений с Россией.

Великобритания, как США и ЕС, стремятся использовать конфликт на Украине в собственных интересах. Оказывая давление на Россию, Лондон стремится расширить присутствие в Центральной Азии, которая обладает природными ресурсами. Кроме того, английская политика направлена на ослабление отношений стран региона с Россией, которая остается ключевым торгово-экономическим партнером и сохраняет высокий уровень политических отношений с центральноазиатскими государствами.

Фактически Запад поставил перед странами Центральной Азии вопрос — с кем они будут развивать отношения. Подобная дилемма неприемлема для стран региона, которые географически находятся в окружении России и Китая, экономики которых нуждаются во внешней поддержке. Соответственно, центральноазиатские государства лавируют между Россией и Китаем, а с другой стороны, между западными государствами, которые оказывают давление.

Страны Центральной Азии стремятся использовать конфликт на Украине в собственных интересах. Это касается вопросов энергетического сотрудничества и экономического взаимодействия с Россией, которая должна реагировать на изменившуюся ситуацию. Для этого российская сторона использует различные механизмы укрепления сотрудничества со странами Центральной Азии. К числу таких механизмов относится ШОС и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В рамках ШОС Россия выстраивает отношения с Китаем, с которым

¹³ Там же

¹⁴ Там же

¹⁵ Assessment Report: British Foreign Secretary's Visit to Central Asia. April 23, 2024. <https://www.specialeurasia.com/2024/04/23/british-uk-central-asia/> (дата обращения: 07.05.2024)

усилилось взаимодействие в различных сферах. В ЕАЭС российская политика направлена на формирование тесных торгово-экономических механизмов, призванных укреплять взаимодействие с теми странами Центральной Азии, которые входят в интеграционное объединение.

Китайская сторона продвигает в странах Центральной Азии свою инициативу «Один пояс, Один путь», которая направлена на создание устойчивых экономических позиций в регионе и утверждения своего геополитического доминирования. Китай реализует свой курс, применяя инфраструктурные проекты и осуществляя инвестирование в отдельные государства Центральной Азии. С учетом активности Запада, китайский курс должен уравнивать усилия ЕС, США и Великобритании. Впрочем, следует отметить, что на ситуацию в регионе влияют также и другие государства, такие как Иран, Турция, Индия и арабские монархии. Все это приводит к переплетению геополитических интересов различных государств в Центральной Азии, усложняя для стран региона выработку внешнеполитических подходов, заставляя маневрировать между разными интересами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Визит главы внешнеполитического ведомства Великобритании в Центральную Азию отражает возросшее внимание английской дипломатии к региону. Политика Великобритании в отношении региона направлена на формирование у центральноазиатских государств антироссийской политики, ослабление торгово-экономических отношений с Россией. В то же время, Лондон реализует свой курс в рамках

общей стратегии Запада, которая направлена на сохранения лидирующих позиций в мировой политике и мировой экономике, сохранения геополитического лидерства и продолжения существования неокolonиальной системы.

Активизация политики Великобритании в Центральной Азии связана с решением ряда долгосрочных задач. Прежде всего, визит министра иностранных дел в страны Центральной Азии и Монголию был призван оказать дополнительное влияние на центральноазиатские страны, добиваясь от них ослабления отношений с Россией. Лондон занимает жесткую позицию в отношении России, поддерживая Украину. Английская политика реализуется в контексте противостояния Запада с Россией. Эксперты отмечали «неэффективность взаимодействия британских министров с правительствами Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Один из ключевых пунктов — Лондон должен активнее противодействовать России в регионе, чтобы снизить ее влияние, в том числе в Таджикистане»¹⁶.

Центральноазиатские страны находятся в сложной ситуации. Они маневрируют между Россией и Китаем, которые выступают в качестве основных внешнеэкономических партнеров и одновременно стремятся развивать внешнеполитические контакты с Западом. Однако стремление стран региона сохранить внешнеполитический баланс не поддерживается западными странами. Суверенитет и диверсификацию внешней политики стран Центральной Азии Запад однозначно трактует как переориентацию на его интересы.

Россия продолжает играть стабилизирующую роль в развитии Центральной Азии. В силу исторических связей,

¹⁶ Панфилова В. Великобритания разработала свою стратегию для Центральной Азии. 13 декабря 2023. https://www.ng.ru/cis/2023-12-13/5_8901_asia.html?ysclid=lxblfa048z318472450 (дата обращения: 12.05.2024)

экономических отношений и потенциа- в качестве надежного партнера и арбитра
ла именно российская сторона выступает в решении региональных проблем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцов С.С. Каспийская стратегия Рос-
сии. Москва: Аспект Пресс; 2020. 304 с.
2. Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»:
политики, разведчики и географы в борьбе
за Памир в XIX веке. Москва: Памятники
исторической мысли; 2001. 416 с.
3. Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии.
С-Петербург: Типография Э. Гартье; 1880. С. 71.

REFERENCES:

1. Zhiltsov S.S. Russia's Caspian strategy. Mos-
cow: Aspect Press; 2020. 304 p. (In Russ.)
2. Postnikov A.V. The fight on the "Roof of the
World": politicians, intelligence officers and ge-
ographers in the struggle for the Pamirs in the
19th century. Moscow: Monuments of histori-
cal thought; 2001. 416 p. (In Russ.)
3. Martens F.F. Russia and England in Central
Asia. St. Petersburg: Printing house E. Hartier;
1880. P. 71. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических
наук, Дипломатическая академия МИД
России, Москва, Россия; 119021, Россия,
Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Scienc-
es, Diplomatic Academy of the Russian For-
eign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Os-
tozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Политическая повестка США в отношении стран Евразийского экономического союза: проблемы и противоречия

Екатерина С. Шевченко

АНО «Центр развития образовательных и исследовательских проектов

«Академический Альянс», Москва, Россия,

katerina.shevv@yandex.ru

Аннотация: Проблемное поле политического взаимодействия стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) конструируется под воздействием актуализирующихся национальных приоритетов внешних политических игроков с учетом стратегического и ресурсного значения постсоветского пространства в целом. Акцентируется внимание на вкладе внерегиональных и транснациональных субъектов в развитие политического и экономического пространства ЕАЭС. Усиливается политическое присутствие США, а также западных и европейских государств в данном регионе. В данном контексте речь идет о пересечении и конкуренции геостратегических, политических, экономических и иных целей действующих политических участников в рамках межгосударственного обмена. С одной стороны, это создает некоторые дополнительные факторы и механизмы проявления и расширения конфликтогенных прецедентов, с другой стороны, это обуславливает появление качественно новых возможностей для раскрытия специального политического потенциала, упрочения статусно-ролевых позиций, налаживания двусторонних и многосторонних связей и т.д. В конечном итоге создаются реальные предпосылки для трансформации символической природы и деятельностного значения ЕАЭС в контексте внутривнутриполитических и наднациональных процессов. В этом смысле интересны концептуальная основа и инструментарий американских медийных изданий в направлении актуализации политической повестки США в отношении стран ЕАЭС. Проанализированы идейно-смысловые и технологические особенности публикаций The Washington Post на тему политических отношений США и других внешнеполитических акторов с Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизией и Арменией. В результате определено, что политическое участие США в данном регионе выстраивается в фокусе создания сдерживающих факторов стабилизации политико-экономического партнерства стран-участниц ЕАЭС в рамках концепта «большой Евразии». Имеющийся институциональный и функциональный потенциал постсоветских государств используется с целью негативизации политико-региональной роли и усиления геополитического противодействия Российской Федерации и КНР. В частности, наиболее часто публикуемыми темами применительно к политической проблематике ЕАЭС являются российское участие в специальной военной операции на украинской территории и внешнеполитическое участие зарубежных государств в основных процессах евразийской интеграции.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, постсоветское пространство, США, Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизия, Армения

Для цитирования: Шевченко Е.С. Политическая повестка США в отношении стран Евразийского экономического союза: проблемы и противоречия. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(2):112-125. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-112-125>

Поступила 17.12.2023

Принята в печать 23.03.2024

Опубликована 30.06.2024

The US Political Agenda in Relation to the Countries of the Eurasian Economic Union: Problems and Contradictions

Ekaterina S. Shevchenko

ANO «Center For Development Of Educational And Research Projects

«Academic Alliance», Moscow, Russia,

katerina.shevv@yandex.ru

Abstract: The problematic field of political interaction between the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) is constructed under the influence of actualizing national priorities of external political players in view of the strategic and resource significance of the post-Soviet space in general. Attention is focused on the contribution of extra-regional and transnational subjects to the development of political and economic space of the EAEU. Political presence of the United States, as well as Western and European states in this region is increased. In this context, we are talking about the intersection and competition of geostrategic, political, economic and other goals of existing political participants in the framework of interstate exchange. On the one hand, it creates some additional factors and mechanisms of manifestation and expansion of conflict-causing precedents, on the other hand, it leads to the emergence of qualitatively new opportunities for opening special political potential, strengthening the status-role positions, establishing the bilateral and multilateral ties, etc. In the end, real prerequisites are created for transformation the symbolic nature and activity significance of the EAEU in the context of domestic political and supranational processes. In this sense, the conceptual basis and tool of American media publications in the direction of actualization the US political agenda in relation to the EAEU countries are interesting. The ideological, semantic and technological features of The Washington Post publications on the topic of political relations between the United States and other foreign policy actors with the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia are analyzed. As a result, it is determined that political participation of the United States in this region is built in the focus of creating the restraining factors for stabilization of political and economic partnership of the EAEU partic-

ipant countries in the framework of the concept of Greater Eurasia. The existing institutional and functional potential of the post-Soviet states is used for negativization of political and regional role and strengthening of geopolitical opposition of the Russian Federation and the PRC. Particularly, the most frequently published topics in relation to political problems of the EAEU are the Russian participation in a special military operation on Ukrainian territory and foreign policy participation of foreign states in the main processes of Eurasian integration.

Keywords: Eurasian Economic Union, post-Soviet space, the United States, the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Armenia

For citation: Shevchenko E.S. The US Political Agenda in Relation to the Countries of the Eurasian Economic Union: Problems and Contradictions. *Post-Soviet Issues*. 22024;11(2):112–125. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-112-125>

Received 17.12.2023

Revised 23.03.2024

Published 30.06.2024

ВВЕДЕНИЕ

В мае 2024 года исполнилось 10 лет с момента подписания договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). За это время его институциональные и функциональные возможности существенно расширились — в данном смысле целесообразно отметить не только стабилизацию межправительственных связей и взаимодействий стран-участниц, но и создание конкретных обеспечительных механизмов интеграции региональных и национальных рынков, укрепления экономической устойчивости, а также институционализации перемещения товаров, услуг, финансов и людей («четыре свободы ЕАЭС»).

Вместе с тем процессуальные аспекты выстраивания межгосударственной коммуникации и экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС осложняются и ограничиваются геостратегическим влиянием таких мировых политических гегемонов, как США и КНР, — причем в первом случае ситуация осложняется углублением внутривнутриполитического системного кризиса со всеми вытекающими последствиями

в части формирования общественного мнения и трансформации политического имиджа непосредственно главы государства за рубежом, во втором случае дело касается преимущественно беспрецедентного экспорта цифровых технологий и разработок с углублением экономической зависимости других государств и монополизацией китайского рынка в планетарном масштабе (в пользу этого говорит в том числе стремительное освоение криптопространства до 50 % цифровыми валютами КНР WeChat Pay и AliPay). Однако в данном контексте необходимо сделать оговорку относительно того, что США воспринимаются как реальный геополитический вызов, а КНР как выгодный и позитивный с финансово-экономической точки зрения партнер — по состоянию на начало 2023 года товарооборот между странами ЕАЭС и КНР составил 243 млрд долл.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В современных реалиях расширения смысловых и пространственных пределов

глобализации ЕАЭС позиционируется как политико-экономическая площадка укрепления межсубъектного доверия и минимизации конфликтности объективных геополитических рисков и угроз, что особо подчеркивалось, в частности, в рамках Евразийского экономического форума весной 2023 года. Другими словами, одной из ключевых целей в рамках ЕАЭС является сохранение политической субъектности и государственного суверенитета в классическом понимании на фоне развития полицентричности и многополярности современного мирового политического устройства (в пользу этого свидетельствуют официальные статистические данные, в соответствии с которыми общий ВВП стран ЕАЭС за 2022 год сократился лишь на 1,6 %, а межгосударственный товарооборот по аналогичным временным параметрам увеличился на 14 %, что составило 83,3 млрд долл.)¹.

Когда речь идет о концептуализации и стратегическом обсуждении политического сотрудничества государств постсоветского пространства в рамках ЕАЭС, в российском общественно-политическом дискурсе это воспринимается, прежде всего, сквозь призму идеи Greater Eurasia [1]. Безусловно, подобный геополитический ракурс является неприемлемым для США ни с пространственно-территориальной, ни с политической, ни с экономической точек зрения, поскольку американское политическое руководство крайне не заинтересовано в появлении новых региональных центров политического влияния в данном регионе и, соответственно, сосредоточено на противодействии развитию евразийской интеграции [2].

В целом большинство процессуально-технических вопросов

межгосударственного взаимодействия и принятия политических решений на площадке ЕАЭС пока не обладают требуемым уровнем автоматизма и гибкости [3]. По этой простой причине политической элитой США активно используются как минимум следующие концепты влияния на политическую обстановку в странах блока ЕАЭС:

- подтверждение преимущественно рекомендательного характера инициатив ЕАЭС, что в целом затрудняет рассмотрение специальных гарантий исполнения принятых государствами обязательств и компетенций (в этом смысле идейно-функциональная основа ШОС и БРИКС является более системной и верифицированной);
- проявление деструктуризации в вопросе имплементации действующих в рамках ЕАЭС международных договоров и соглашений на уровне национальных правовых систем, являющееся следствием фактических различий, в частности, в налоговых и валютных режимах, стоимостных показателях энергоносителей и логистических возможностях;
- «торможение» согласовательных процессов и процедур на уровне Евразийского экономического совета (ЕЭС) и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) ЕАЭС — на это указывает, в частности, тот факт, что ключевые решения и обеспечительные меры по решениям Совета ЕЭК и Коллегии ЕЭК от марта-апреля 2022 года принимались только летом 2023 года;
- «пробуксовка» вполне апробированных моделей внешнеэкономического обмена — в том числе непреференциальные торговые соглашения «ВТО плюс», «на-

¹ Мухаметшина Е. В чем лидеры стран видят перспективы ЕАЭС. 25 мая 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/25/976760-perspektivi-eaes/> (дата обращения: 27.09.2023).

блюдательство» в порядке ст. 109 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 года;

- действие разбалансирующих и дезинтегрирующих механизмов наднационального политического регулирования в отношении государств бывшего СССР, в числе которых, в частности, военно-политическая проблематика для Российской Федерации и Республики Беларусь и водно-энергетическая проблематика для стран Центральной Азии;
- актуализация существующих противоречий в факторах и механизмах диверсификации внешней политики постсоветских государств, что дополнительно осложняют не только объективно обусловленные противоречия политико-исторического и экономического развития, но и различные подходы и инструменты конструирования нормативно-правового, финансового, культурного и иного пространств.

Безусловно, США играют особую политическую роль на евразийском континенте в целом и на постсоветском пространстве в частности, что в принципе является аксиоматичным [5]. В этой связи необходимо отметить формулирование политических концепций и стратегий США на территории стран ЕАЭС в ключевые идеи «продвижения демократии», политическая ответственность за реализацию которой закреплена за Государственным департаментом США (на уровне нижнего и среднего звена) и Агентством США по международному развитию. В практическом отношении это предусматривает разделение должностных обязанностей между соответствующими структурными подразделениями, координацию работы профильных государственных структур в конкретных странах, подготовку ежегодных отчетных материалов по результатам

деятельности (в частности, Annual Report on Human Rights and Democracy in the World, Annual Country Reports on Human Rights Practices) и т.д. И если Д. Трамп значительно сократил государственное финансирование данных мероприятий (по различным оценкам объем финансовой помощи США сократился в целом в 3–4 раза, а в отношении Республики Беларусь — примерно в 8 раз в 2018 году), то при Дж. Байдене все более акцентируется внимание на тесном сотрудничестве с оппозиционными движениями «в полях», расширении географии деятельности прозападных неправительственных организаций, активизации политического участия в выборах и использовании политического инструментария Soft Power. В этом смысле показательна работа, в частности, Национального демократического института международных отношений (NDIFIA) и Международного республиканского института (IRI). В российской и зарубежной политической науке представлено внушительное количество научных публикаций по данной теме.

Приоритетным направлением внешнеполитической активности США в отношении стран ЕАЭС является укрепление лидирующих позиций в вопросе участия в глобальных инфраструктурных проектах типа «Один пояс — один путь», инкорпорации собственных политических и экономических стимулов (в частности, американское инвестирование в национальную экономику Республики Казахстан, что в прошлом году составило 86 % торговой активности США в странах Центральной Азии, а наращивание годичного объема прямых американских инвестиций в казахстанскую экономику достигает более 40 %), влияния на интенсификацию контактов в рамках переговорного процесса, «продавливания»

конкретных финансово-экономических сделок². В более предметном плане это проявляется в использовании американской стороной таких политических инструментов, как активизация экстратерриториального санкционного давления и управление правовыми локусами в национальных интересах (вместе с тем в последнее время проводится дополнительная работа по нивелированию негативных политических последствий на уровне антисанкционного фонда ЕАЭС и Совета Евразийской экономической комиссии в формате координирующего взаимодействия вице-премьеров стран-участниц ЕАЭС соответственно).

В рамках конструирования политической повестки американскими СМИ используются специфические медийные технологии и инструменты в направлении формирования собственной феноменологической рамочности и контекстуальности транслируемых новостных сюжетов. Соответственно, в данной связи особый научно-исследовательский интерес представляет политическая проблематика взаимодействия США и стран блока ЕАЭС на современном этапе, актуализируемая The Washington Post в качестве классического и в принципе наиболее влиятельного американского медийного издания.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ США И СТРАН ЕАЭС

Основополагающим концептом выстраивания политических отношений США с государствами-членами ЕАЭС является получение политической выгоды через экспорт и углубление бизнес-коммуникаций, что особенно рельефно проявилось в рамках президентства Д. Трампа [8].

Именно 45-й президент США направил политическое сотрудничество США с государствами в составе ЕАЭС в конструктивное русло не столько с точки зрения стабилизации межгосударственных интеракций, сколько с точки зрения прагматичной максимизации экономических бонусов и преференций, что является хоть и субъективным, но при этом не лишенным разумного основания концептуальным посылом.

В данном смысле Д. Трампом вполне логично и оправданно активизировалось использование внешнеполитического подхода, основанного на признании неблагонадежности и «зыбкости» собственно политической номенклатуры выстраивания межгосударственных отношений США с блоком ЕАЭС в противовес актуализации эконометрического измерения политического взаимодействия на основе запуска финансово выгодных цифровых коллабораций крупного бизнес-сегмента и интеграции отдельных компонентов национальных экономических систем (в частности, это прослеживается на уровне объединения финансовых инструментов и продуктов Евразийского банка развития (ЕАБР) и американских банковских структур). По этому направлению в рамках американской политической системы был достигнут межпартийный политический консенсус — в частности, были приняты нормативно-правовые акты по развитию экспортных возможностей субъектов малого и среднего предпринимательства (S. 3247 — Women's Entrepreneurship and Economic Empowerment Act of 2018) и обеспечению открытости публикуемых отчетных материалов по работе инвестиционных фондов и организаций (S. 327 — Fair Access to Investment Research Act of 2017),

² Прайсс Р.М. США наращивают инвестиции в Казахстан. 12 мая 2023. URL: https://forbes.kz/blogs/blogsid_300874/ (дата обращения: 27.09.2023).

создавшие реальные требования и механизмы обсуждения и заключения преимущественно двусторонних соглашений между США и странами ЕАЭС.

В поддержку данного подхода со стороны США активно развивались различные двусторонние механизмы межгосударственных связей и контактов — в частности, Стратегический энергетический диалог между США и Республикой Казахстан (U.S.-Kazakhstan Strategic Energy Dialogue), Американо-казахстанский деловой совет при Торговой палате США (USKZBC), самостоятельные секторальные рабочие группы, рабочие консультации секретарей Совета национальной безопасности США и Совета Безопасности Республики Беларусь, официальные встречи представителей политического руководства в двустороннем формате (встреча Государственного секретаря США М. Помпео и президента Республики Беларусь в феврале 2020 года, встреча советника президента США по национальной безопасности Дж. Болтона и президента Республики Беларусь в августе 2019 года) и др. Наиболее крупные американские корпорации были широко представлены в IT-секторе, а также в агропромышленном, горно-металлургическом, нефтегазовом секторах национальной экономики стран ЕАЭС, способствуя обновлению бизнес-среды и привлечению иностранного капитала (в частности, американский импорт в Республику Беларусь в 2020 году составил около 535 тыс. долл. в соответствии с данными Национального статистического комитета Республики Беларусь, а во время рабочей поездки Д. Трампа в Республику Казахстан в январе 2018 года было подписано более 20-ти коммерческих соглашений о торгово-экономическом

и инвестиционном сотрудничестве на общую сумму порядка 7 млрд долл.).

Одним из приоритетных направлений также являлась инициированная Д. Трампом позитивизация научно-технического и образовательного сотрудничества между США и преимущественно Республикой Беларусь и Республикой Казахстан в рамках таких программ, как FLEX, Fulbright, SABIT и др. Одновременно политической командой 45-го президента США организовывалась и поэтапно реализовывалась соответствующая политика, направленная на сдерживание активности китайских высокотехнологичных предприятий в постсоветских странах на основе проведения экспортного контроля, введения Entity List, инвестиционного ограничения в рамках China's Technology Transfer Strategy и даже специального сворачивания коммерческих сделок.

Более концептуально и идеологически очерченные рамки распространения геополитической и геостратегической экспансии США в зоне ЕАЭС создаются политической командой Дж. Байдена. Это подтверждает тот факт, что в течение последних 3-х лет существенно интенсифицируется межгосударственный обмен на высоком уровне с главами и руководителями органов государственной власти государств ЕАЭС — поездки в США заместителя руководителя Администрации президента Республики Казахстан в ноябре 2022 года и январе 2023 года и Министра иностранных дел Республики Казахстан в мае 2022 года. Более того, в последнее время активно развиваются институциональные и функциональные инструменты парламентской дипломатии США и стран-участниц ЕАЭС. В частности, летом и осенью 2022 года состоялись рабочие визиты сотрудников Конгресса США в Республику Казахстан в рамках культурно-образовательной

программы Государственного департамента США (МЕСЕА).

Пристальное внимание уделяется также развитию системных и тесных межинституциональных и межпарламентских контактов США и центральноазиатских государств в формате C5+1, что еще раз подчеркивалось на встрече представителей политического руководства США и Киргизии по случаю 77-ой ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2022 года. С киргизской стороны все более открыто демонстрируются приоритетные ниши национальной экономики, которые необходимо развивать и грамотно использовать при непосредственном участии международных партнеров и преимущественно американских финансовых институтов, — готовность Киргизии к выстраиванию комплексного сотрудничества с США по таким приоритетным направлениям, как «зеленая» экономика и гидроэнергетика, была также обозначена С.Н. Жапаровым на саммите глав государств «Центральная Азия и США» в сентябре 2023 года в Нью-Йорке.

Наконец, активизация внешнеполитического участия США по линии USAID прослеживается на фоне обострения политической ситуации в Нагорном Карабахе — по официальным данным на соответствующие политические проекты США в Армении в 2022 году было выделено около 33 млн долл. В этой связи интересна следующая статистика предоставления американской финансовой поддержки в адрес Армении за август-сентябрь 2023 года: в частности, 1 млн долл. на поддержку СМИ Армении и развитие американо-армянских связей в сфере журналистики, 70 тыс. долл. на трансляцию по радио и телевидению

рекламы, 70 тыс. долл. на поддержку армянской молодежи в вопросе повышения осведомленности о медийно-информационной грамотности и вычислительной пропаганде, 29 тыс. долл. на развенчивание манипуляционных кампаний и повышение медийной активности.

Вместе с тем несмотря на представленные конструктивные компоненты политического и торгово-экономического курса США в отношении государств-членов ЕАЭС, одной из характерных особенностей американских геополитических концепций и программ в данном регионе является формулирование санкционных пакетов и критики, создающее своего рода смысловые и пространственные основания политического маневрирования и манипулирования (используя специальную терминологию, принято говорить как минимум о блокирующих санкциях — первичные санкции, вторичные санкции, теневые санкции, а также санкции в отношении частных лиц; секторальных санкциях — макрофинсирование и заключение коммерческих сделок; отдельных неблокирующих санкциях; экспортных и импортных ограничениях) [6]. Естественно, в данном контексте безусловным рекордсменом как по количественным, так и по качественным показателям является Российская Федерация — соответственно, российско-американские отношения на современном этапе можно охарактеризовать как наиболее проблемные и по сути заблокированные [4]. Своего рода «санкционное цунами» обрушилось после февраля 2022 года — в частности, если до 2022 года в американском списке санкционных лиц находилось порядка 250-ти российских граждан, то к июню 2022 года их число перевалило за 1 тыс.³ В содержательном

³ Тимофеев И. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля. 5 июля 2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/somnitelnaya-effektivnost-sanktsii-protiv-rossii-do-i-posle-fevralya/?sphrase_id=92783141/ (дата обращения: 29.09.2023).

плане введены масштабные ограничения и блокировки в отношении системообразующих российских компаний, российские банки отключены от системы передачи финансовых сообщений SWIFT, запрещены поставки в Российскую Федерацию высокотехнологичных товаров и продукции двойного назначения, заблокирован ввоз российского ископаемого топлива⁴.

При этом действующее американское политическое руководство прекрасно понимает необходимость осуществления некоторой корректировки реализуемого геополитического курса в отношении стран блока ЕАЭС в части нейтрализации и хотя бы частичного купирования создаваемого негативного эффекта, поскольку в данном отношении создаются определенные политические и экономические вызовы непосредственно для США, что является крайне неблагоприятным с учетом существующих внутривнутриполитических проблем и приближающихся выборов президента США в ноябре 2024 года. Вместе с тем серьезных изменений в специфике и динамике реализуемого американского политического курса на постсоветском пространстве ожидать не приходится даже в случае возвращения Д. Трампа на политическую авансцену.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА США В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЕАЭС (НА ОСНОВЕ ПУБЛИКАЦИЙ THE WASHINGTON POST)

Одной из особенностей публикуемых медийных сюжетов является оперирование главным образом предметной областью двусторонних политических отношений США и государств в составе ЕАЭС. Это подтверждает, прежде всего, отсутствие каких-либо публикаций The Washington Post на тему межгосударственного

сотрудничества в рамках ЕАЭС, а также политического влияния США на динамику принимаемых с целью комплексного развития ЕАЭС проектных решений за последние 3 года.

В количественном отношении, безусловно, лидирующие позиции отводятся публикациям по различным вопросам и проблемам политического влияния Российской Федерации в рамках современного мирового и регионального развития, что в общем-то является вполне очевидным и ожидаемым.

В качественном отношении публикации на тему политических отношений в странах ЕАЭС сортируются в рамках следующих основных концептуальных блоков: международные дела (в том числе церемония вручения Нобелевской премии в декабре 2023 года, Летние Олимпийские игры 2024 года в Париже), внешнеполитическое участие (соответственно, в этом смысле речь идет в основном об Иране, КНР, Польше, Финляндии, странах Европейского союза и др.), политическая обстановка на территории Украины, внутривнутриполитическая ситуация в странах ЕАЭС. При этом приоритетными и, соответственно, тиражируемыми, являются темы, во-первых, по развитию украинского военно-политического кризиса, во-вторых, по усилению внешнеполитического участия в рамках ЕАЭС и во внутренней политике Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Киргизии и Армении.

В качестве ключевых особенностей публикуемого медийного материала по политическому взаимодействию государств-членов ЕАЭС и представленных в данном регионе политических изменений можно назвать указание на политическую

⁴ Тимофеев И. 21 сентября 2023. Уже рутина: новые санкции США в отношении российских компаний. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/uzhe-rutina-novye-sanktsii-ssha/> (дата обращения: 29.09.2023).

ответственность Российской Федерации и КНР, преобладание конфликтогенных концептов, искажение первоначального проблемно-идейного посыла (через формулирование геополитических рисков и угроз для прибалтийских и восточноевропейских государств в контексте российской региональной постсоветской стратегии), использование слов и формулировок крайне негативной коннотации («Boycott», «Chaos», «Dictatorship», «New Sinister Threat», «Sabotage» и др.)⁵. В данном контексте отличительной характеристикой большинства аналитических материалов и экспертных обзоров является использование субъективного редакторского подхода на контрасте с качественным медийным контентом, основанным на системной аргументации и использовании объективной фактологической информации.

Показательной является публикация противоречивых или недостоверных статистических данных, что также находит подтверждение в политическом обзоре на тему комплексного развития и внутри- и внешнеполитического реформирования стран блока ЕАЭС. Это демонстрируется в публикациях на тему специальной военной операции на территории Украины в контексте приведения численности российских вооруженных сил на территории Республики Беларусь (указывается, что доля военных в составе Министерства обороны Российской Федерации составляет 30 тыс. человек, притом как доля военных в составе ЧВК «Вагнер» достигает 50 тыс. человек), а также объема

покрытия военных расходов ЧВК «Вагнер» на участие в специальной военной операции на территории Украины из российского государственного бюджета (в некоторых статьях приводится информация о государственном финансировании объемом 1 млрд долл. в год, 786 млн долл. в год)⁶.

В качестве одного из основных инструментов подготовки медийных сюжетов используется приобщение оценок и комментариев главным образом оппозиционно настроенных представителей общественных организаций и экспертов. В частности, приводятся мнения В.В. Кара-Мурзы относительно российской проблематики, С.Г. Тихановской относительно белорусской проблематики. Помимо этого, активно задействуется формирование консолидированной с европейским сообществом принципиальной позиции в отношении резкой критики происходящего в странах ЕАЭС, что достигается за счет обращения к высказываниям Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля, президента Польши А. Дуды, постоянного представителя Франции при ООН Н. де Ривьера и др.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В целом общую направленность и коннотацию медийной продукции США относительно актуальных вопросов и проблем политического взаимодействия и экономического сотрудничества со странами постсоветского пространства необходимо оценивать с учетом преобладания негативных

⁵ Putin Just Gave Belarus an Unwanted «Gift». URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/06/29/belarus-prigozhin-putin-lukashenko-wagner/> (дата обращения: 29.09.2023); Belarus Should Not Be the Kremlin's Nuclear Sandbox. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/03/29/belarus-russia-tactical-nuclear-weapons/> (дата обращения: 29.09.2023).

⁶ Wagner Fighters Are in Belarus and Training Belarusian Troops. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/07/14/wagner-mercenaries-train-belarus-fighters/> (дата обращения: 01.10.2023); Wagner Cost Russia Suspiciously Little Money. URL: https://www.washingtonpost.com/business/2023/07/04/financing-wagner-group-cost-russia-surprisingly-little-money/4c70e2d4-1a3b-11ee-be41-a036f4b098ec_story.html/ (дата обращения: 01.10.2023).

политических сюжетов. Представленную тематику и стилистику публикаций на тему политических отношений США с государствами-членами ЕАЭС можно обозначить в фокусе следующих основополагающих смысловых блоков:

1. Российская Федерация — санкционное воздействие и негативизация геополитической роли на евразийском континенте в целом с учетом разворачивания военных действий в рамках специальной военной операции на украинской территории.
2. Республика Беларусь — сдерживание укрепления авторитета российской стороны как наиболее влиятельного политического игрока, представляемой с точки зрения вмешательства во внутриполитическую ситуацию государств и создания основы потери ими государственной самостоятельности.
3. Республика Казахстан — создание противовесной основы применительно к геополитическому и в определенном смысле цивилизационному противостоянию с КНР.
4. Киргизия — расширение политических и деловых контактов с целью минимизации торгово-экономического присутствия КНР.
5. Армения — эскалация межэтнической напряженности в Нагорном Карабахе с применением военно-политической силы.

Другими словами, американскими СМИ применительно к внешнеполитическому курсу США в странах ЕАЭС конструируется политическая повестка, основанная на негативизации военно-политического присутствия Российской Федерации и развенчании торгово-экономического влияния КНР в данном регионе. Речь идет об осуществлении медийной рефлексии применительно к формированию

преимущественно опосредованных цепочек взаимосвязей и взаимодействий российской и китайской сторон как глобальных политических игроков на геополитическом пространстве ЕАЭС и менее влиятельных постсоветских государств, обладающих стратегически интересными сырьевыми и логистическими ресурсами (например, активно используется концепт поставки китайских микросхем и иных компонентов электроники для Российской Федерации через транспортные коридоры Республики Казахстан и Киргизии).

В представленных публикациях явно не обозначается контекст собственно политической роли США относительно реализуемой странами ЕАЭС внутренней и внешней политики. Таким образом достигается цель, во-первых, демонстрации отсутствия прямого участия США в происходящих в мире политических событиях, во-вторых, утверждения пророссийской и прокитайской обусловленности политических явлений и процессов на постсоветском пространстве в целом и в зоне ЕАЭС в частности.

Более того, устанавливается довольно прочная связь политической проблематики ЕАЭС и стратегического влияния КНР в данном регионе. В частности, констатируется, что потенциально возможные слабость и нерешительность политического руководства США в отношении стабильной военной поддержки украинской стороны в рамках российско-украинского военно-политического конфликта могут означать потерю геополитического контроля США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, как следствие, уступку статусных и функциональных позиций мирового политического гегемона по отношению к КНР, что является недопустимым в современных условиях глобального политического развития [7]. В этом смысле

опасным является налаживание добропорядочных и взаимовыгодных российско-китайских отношений применительно к политике стран ЕАЭС, о чем свидетельствует резкое повышение медийной активности в США по случаю визита председателя КНР в Москву в конце марта 2023 года. В частности, транслируется следующая позиция: «Prime Minister Kishida of Japan Has Warned Repeatedly that Ukraine's Fate Today Could Be East Asia's Tomorrow if the Free World Flinches in the Face of Aggression», «He Calls the Fate of Ukraine and the Future of Asia «Inseparable»⁷.

В этой связи необходимо отметить, что одной из особенностей представленных публикаций относительно наблюдаемых в зоне ЕАЭС явлений и процессов является их существенная политизация. Она является классической для западных СМИ в контексте освещения происходящих на постсоветском пространстве событий с участием Российской Федерации и государств с пророссийской внешнеполитической ориентацией и при этом экспортируется фактически на все американское медийное пространство за последние несколько месяцев (это касается новостей в сфере экономики, культуры, спорта и т.д.). Одним из наиболее интересных и даже символических медийных кейсов можно считать встраивание в контекст ослабления российской конкурентоспособности в освоении космического пространства успешного прибытия на Луну индийского космического аппарата «Чандраян-3» в конце августа 2023 года.

Вместе с тем необходимо указать на довольно целостное и связанное с точки зрения внутренней логики и структуры концептуально-идейное

представление — в частности, публикуются новостные сюжеты, интегрирующие инициирование российской стороной специальной военной операции на украинской территории и обострение этнополитической обстановки в Нагорном Карабахе в фокусе армяно-азербайджанских отношений, а также гармонизацию двусторонних политических и дипломатических связей между российским и белорусским политическим руководством и успешное купирование А.Г. Лукашенко негативных последствий активизации внутривнутриполитического протеста в марте 2021 года. Таким образом, подтверждаются взаимообусловленность и взаимосвязанность политических трансформаций, происходящих как на территории государств бывшего СССР, так и в рамках политико-пространственной специфики ЕАЭС.

Особенностью публикуемого в США медийного контента является использование новостных и информационных прецедентов в отношении политических противников, в качестве которых позиционируются отдельные страны блока ЕАЭС, в прямой связке с критикой общественных субъектов, оппозиционно настроенных по отношению к реализуемому действующим президентом США и его помощниками политическому курсу, с учетом выведения соответствующих смысловых и фактологических корреляций. Посредством негативизации информационно-коммуникационного фона по отношению к политическим событиям на пространстве ЕАЭС формируется соответствующее критическое отношение к персоналиям, не угодным отдельным представителям американского политического истеблишмента. Подобные действия предпринимаются

⁷ Mitch McConnell Tells U.S. to «Wake Up» to Threat of Russia on Ukraine War Anniversary. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/02/24/mitch-mcconnell-tells-us-wake-up-threat-russia-ukraine-war-anniversary/> (дата обращения: 09.10.2023).

главным образом в отношении представителей Республиканской партии США — в частности, Р. Десантиса, К. Маккарти, М. Тернера и др.⁸ Это лишь в очередной раз проецирует углубляющийся идейно-политический раскол в Конгрессе США, где Сенат контролируется демократами, а Палата представителей — республиканцами, с чем связаны в том числе усиливающиеся процессуально-технические перипетии относительно принятия резолютивных политических решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пространство ЕАЭС давно воспринимается США в качестве исторически обусловленной и в целом подтвердившей свое идейно-функциональное значение площадки конструирования эффективного политического и экономического партнерства государств бывшего СССР. Разумеется, это не соответствует ключевым концептам и нарративам американской парадигмы регионального политического проектирования на постсоветском пространстве [10].

В целом американскими СМИ уже традиционно актуализируется системная широкоформатная критика в адрес Российской Федерации и КНР и аффилированных с ними в той или иной области государств. Как следует из представленной политической проблематики, пространство ЕАЭС также воспринимается сквозь призму создания российской и китайской сторонами негативных геополитических импульсов в контексте дестабилизации национальных интересов и притязаний США в данном регионе. Можно предположить, что американское политическое руководство продолжит использовать имеющиеся междоцивилизационные и межкультурные противоречия и различия как на наднациональном, так и на государственном уровне [9]. Однако необходимо иметь в виду, что успех подобной работы зависит не только от глобальной политической номенклатуры, но и от достигнутого в США внутриполитического консенсуса, что крайне затруднительно в ближайшей обозримой перспективе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гарбузарова Е. Г. Активизация межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве на примере постсоветских стран Центральной Азии. *Обозреватель*. 2019;11(358):66-77.
2. Жильцов С. С. Борьба за Евразию. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):8-19.
3. Косов А. П. Роль и место постсоветского пространства во внешней политике Республики Беларусь: концептуальные основы. *Постсоветские исследования*. 2020;3(2):155-161.
4. Тимофеев И. Н. Политика санкций США на уровне исполнительной власти. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022;66(3):23-32.
5. Тихомиров А. В. Фактор США во внешней политике Республики Беларусь (1991–2022 гг.). *Постсоветские исследования*. 2023;6(2):178-189.
6. Устинович Е. С., Бочанов М. А. Политико-экономические барьеры разработки государственной политики по созданию институтов регионального развития. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(1):55-62.

⁸ DeSantis Dismisses Russian Invasion of Ukraine as a «Territorial Dispute». URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/03/14/trump-desantis-ukraine/> (дата обращения: 09.10.2023).

7. Шабров О.Ф. Глобальные факторы политического управления: новые возможности и новые риски. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2019;15(2):82-90.
8. Шумилин А.И. Эпоха Трампа: «ток-шоу», которое потрясло мир. *Современная Европа*. 2021;4(104):172-183.
9. Antoniadou N. Political Competitive Advantage in the USA: an RBV Approach. *Journal of Marketing Communications*. 2022;28(8):889-920.
10. Kortunov A.V. Between Polycentrism and Bipolarity. *Russia in Global Affairs*. 2019;17(1):10-51.

REFERENCES:

1. Garbuzarova E.G. Issues of Interstate Cooperation Intensification in the Post-Soviet Space on the Example of the Post-Soviet Central Asian Countries. *Observer*. 2019;11(358):66-77 (In Russ.).
2. Zhiltsov S.S. Fighting for Eurasia. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):8-19 (In Russ.).
3. Kosov A.P. The Role and Place of the Post-Soviet Space in the Foreign Policy of the Republic of Belarus: Conceptual Foundations. *Post-Soviet Studies*. 2020;3(2):155-161 (In Russ.).
4. Timofeev I.N. An Executive Dimension of the U.S. Sanctions Policy. *World Economy and International Relations*. 2022;66(3):23-32 (In Russ.).
5. Tikhomirov A.V. The US Factor in the Foreign Policy of the Republic of Belarus (1991-2022). *Post-Soviet Studies*. 2023;6(2):178-189 (In Russ.).
6. Ustinovich E.S., Bochanov M.A. Political and Economic Barriers of the Development of State Policy on the Creation of Institutions of Regional Development. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):55-62 (In Russ.).
7. Shabrov O.F. Global Political Management Factors: New Opportunities and New Risks. *Political Expertise: POLITEX*. 2019;15(2):82-90 (In Russ.).
8. Shumilin A.I. The Trump Era: the Talk-Show that Shook the World. *Contemporary Europe*. 2021;4(104):172-183 (In Russ.).
9. Antoniadou N. Political Competitive Advantage in the USA: an RBV Approach. *Journal of Marketing Communications*. 2022;28(8):889-920 (In Russ.).
10. Kortunov A.V. Between Polycentrism and Bipolarity. *Russia in Global Affairs*. 2019;17(1):10-51 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Екатерина С. Шевченко, Кандидат политических наук, эксперт АНО «Центр развития образовательных и исследовательских проектов «Академический Альянс», Москва, Россия; 115142, Россия, Москва, ул. Коломенская, д. 9;
katerina.shevv@yandex.ru

Ekaterina S. Shevchenko, Cand. Sc. (Politics), Expert of ANO «Center For Development Of Educational And Research Projects «Academic Alliance», Moscow, Russia; bld. 9, st. Kolomenskaya, Moscow, 115142, Russia;
katerina.shevv@yandex.ru

Политика Турции в Центральной Азии: итоги и перспективы

Тимур В. Андрухин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
tymwrayrany11680@gmail.com

Аннотация: после распада Советского Союза с одномоментным появлением на мировой карте сразу пяти независимых и предоставленных самих себе республик в Центральной Азии турецкое руководство, уверовавшее в собственное политическое призвание объединить тюркоязычные народы под своей эгидой, развернуло широкую деятельность по насаждению в данном регионе своего влияния. Убедившись в неэффективности слишком настойчивого политического патронажа над центральноазиатскими республиками, претендующая на роль знаменосца пантюркистской идеологии и политического ислама Турецкая Республика выстроила влиятельную сеть образовательных учреждений и международных организаций, представляющих арсенал её «мягкой силы» и призванных превратить Турцию в ориентир для развития государств Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, пантюркизм, Туран, партия националистического движения, Хизмет, Фетхулла Гюлен, Саид Нурси, исламизм, Диянет, Тюрксой

Для цитирования: Андрухин Т.В. Политика Турции в Центральной Азии: итоги и перспективы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(2):126–137. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-126-137>

Поступила 22.04.2024

Принята в печать 26.05.2024

Опубликована 30.06.2024

Turkey's policy in Central Asia: results and prospects

Timur V. Andrukhin

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
tymwrayrany11680@gmail.com

Abstract: After the dissolution of the Soviet Union with the immediate appearance on the world map of five independent republics in Central Asia, the Turkish government, believing in its own political calling to unite the Turkic-speaking peoples under its auspices, launched extensive activities to plant its influence in this region. Convinced of the ineffectiveness of too persistent political patronage over the Central Asian republics, the Republic of Turkey, which claims to be

the standard-bearer of pan-Turkic ideology and political Islam, has built an influential network of educational institutions and international organizations representing the arsenal of its “soft power” and designed to turn Turkey into a reference point for the development of the Central Asian states.

Keywords: Central Asia, pan-Turkism, Turan, nationalist movement party, Hizmet, Fethullah Gülen, Said Nursi, Islamism, Diyanet, Türksoy

For citation: Andrukhin T.V. Turkey's policy in Central Asia: results and prospects. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(2):126–137. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-126-137>

Received 22.04.2024

Revised 26.05.2024

Published 30.06.2024

ВВЕДЕНИЕ

В свете событий последних лет (в их числе и захват в 2020 году власти в Афганистане террористическим исламским движением «Талибан», запрещённым в России) и протесты в Казахстане в январе 2022 года, приведшие к активизации ОДКБ¹) особенный фокус внимания международной политики сформировался вокруг Центральной Азии, — одного из регионов, где ещё со времён распада Советского Союза традиционно сильно влияние Турецкой Республики, претендующей на право выступать точкой сборки пантюркистского проекта.

Пантюркизм, как «агрессивная, расистская доктрина, согласно которой все народы, говорящие на тюркских языках, являются якобы одной нацией и должны объединиться под главенством Турции в единое простирающееся от Балкан до Сибири государство Туран» [1], зародился ещё в XIX веке. Одним из идейных прародителей пантюркизма был венгерский путешественник и этнограф Арминий Вамбери, совершивший в середине

1860-х гг. путешествие через Восточную Анатолию, Закавказье и Иран в Среднюю Азию с целью подтвердить собственную гипотезу о родстве венгерского языка с тюркскими языками и установить, к какой из ветвей предполагаемой урало-алтайской семьи, ныне отвергаемой в профессиональной лингвистике, относится венгерский — к «финской» или «татарской» [2].

В дальнейшем пантуранизм, имевший помимо чисто научного интереса и далеко идущую политическую подоплёку, получил широкую популярность в Венгрии и Финляндии, но совершенно по-особенному его идеи, укоренившиеся на турецкой почве и апеллирующие «уже к «тюркской общности» и созданию «Великого Турана», как государства всех тюрков, правящей силой в котором должны быть османские турки» [3], получили развитие в Османской империи в конце XIX — начале XX вв. через труды Зии Гёкальпа, Юсуфа Акчуры, Исмаила Гаспринского, Хамдуллаха Танрыовера и др. [3].

¹ Лукьянов Г., Кулиева Н., Миронов А. Политика Турции в ЦА: обоснованы ли амбиции? 4 февраля 2022 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-turtsii-v-tsa-obosnovany-li-ambitsii/> (дата обращения: 14.04.2024)

Одна из самых претенциозных попыток осуществления пантюркистского проекта была предпринята правительством партии «Единение и Прогресс» (тур. *İttihat ve Terakki*) в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг. Исмаил Энвер-паша, военный министр младотурецкого правительства, один из участников правящего с 1913 года триумvirата наравне с Джемалем-пашой и Талаат-пашой, ключевая фигура в организации геноцида христианских народов в Османской империи в 1915 году — армян, понтийских греков, ассирийцев, с самого начала войны эксплуатировал пантюркистские и панисламистские лозунги, рассчитывая привлечь на свою сторону мусульманских (в особенности тюркоязычных) подданных России в Закавказье и на Кавказе [4].

Несмотря на то, что кампания против Российской империи была для Османской империи совершенно безуспешной, — к середине 1916 года русские войска углубились на турецкую территорию до 250 км, заняв Эрзерум, Трапезунд, Эрзинджан, Муш [5], после Октябрьской революции, выхода России из Первой мировой войны и начала ширококомасштабной гражданской войны, в условиях безвластия и хаоса в Закавказье, Османская империя силами «Кавказской исламской армии» под командованием Нури-паши (родного брата Энвера-паши) организовала интервенцию в Азербайджан, и при поддержке местной националистической партии «Мусават» уже в сентябре 1918 года турецкие войска оккупировали Баку и даже Дербент [6]. Только произошедшее вскоре поражение Османской империи в Первой мировой войне, стоившее ей не только утраты занятых территорий в Закавказье, но и всех своих прежних владений на Ближнем Востоке, окончательно поставило крест на пантюркистских авантюрах младотурецкого правительства [4].

Последовавшая за этим долгая и напряжённая национально-освободительная война, которую турецкий народ вёл под руководством Мустафы Кемала Ататюрка в 1919–1922 гг. для недопущения разделения последних оставшихся османских территорий по условиям Севрского договора, привела правительство новой Турецкой Республики к принципиальному отказу от чрезмерно амбициозных инициатив, вроде пантюркизма и панисламизма, сосредоточившись на мирном сосуществовании с соседними государствами [7].

В свою очередь, подавление местечкового буржуазного национализма в Советском Союзе (характерный пример — процесс над председателем ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимовым 1928 года) также привело к угасанию какого-либо пантюркистского нарратива: «прекратился обмен печатными произведениями между тюрками России и тюрками Турции, порвалась также всякая идейная связь между турецкими племенами самой России» [8].

Второе рождение пантюркистской идеологии произошло в Турции во время Второй мировой войны, к тому же повестка пантюркизма не без успеха использовалась Третьим Рейхом в борьбе с Советским Союзом (уместно вспомнить о таких формированиях Вермахта, набранных из советских коллаборационистов, как Туркестанский легион, Азербайджанский легион, легион Идель-Урал, а также Восточно-тюркское соединение СС, боевая группа «Крым» и пр. — всего службу в коллаборационистских формированиях Нацистской Германии прошло около 300 тыс. мусульман-граждан СССР, из которых около 180 тыс. — выходцы из Средней Азии и Казахстана [9]), а сама Турецкая Республика, сохранявшая дружественные отношения с Германией, вплоть до разгрома немцев

под Сталинградом в начале 1943 года имела все шансы напасть на Советский Союз [10], на границе с которым она содержала 26 развёрнутых дивизий, в случае его поражения [11].

Предвкусение гибели Советского Союза и олицетворяемой им идеологии коммунизма, которую сам основатель Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк якобы характеризовал как «самого большого врага тюркского мира» (тур. *Türk âleminin en büyük düşmanı*)², заставило активизироваться турецкие пантюркистские круги. Так, например, уже летом 1941 года с нескрываемым восторгом от поражений советских войск журнал «Бозкурт», редактором которого был турецкий расист Реха Огуз Тюрккан³, выпустил карту «Великой Турции», территориально распространявшейся на Северный и Южный Кавказ, Крым, Поволжье, Среднюю Азию и Сибирь [12].

Активность пантюркистов и расистов не встречала никаких препятствий со стороны турецкого правительства вплоть до мая 1944 года, когда ввиду наметившегося крушения Третьего Рейха и краха последних надежд на поражение Советского Союза власти Турции поспешно свернули деятельность туранистов и показательно осудили наиболее видных их представителей — Ахмеда Заки Валиди, Нихаля Атсыза, Альпарслана Тюркеша, Реха Огуза Тюрккана и др. Тем не менее, уже через пару-тройку лет все участники «процесса расистов-туранистов» были оправданы [8].

В последующие десятилетия главным выразителем пантюркистских идей в Турции стала неофашистская

«Партия националистического движения» (тур. *Milliyetçi Hareket Partisi*), созданная в 1969 году вышеупомянутым Альпарсланом Тюркешем, активным агентом структур НАТО [13]. В 1970-е гг. пантюркисты во главе с Тюркешем, равно как и исламистская «Партия национального спасения» (тур. *Millî Selâmet Partisi*) Ниджметтина Эрбакана, занимали крайне правый фланг в политической жизни Турции и вели ожесточённую борьбу против коммунистического, рабочего движения и курдского сепаратизма в стране, включая насильственные и террористические методы [7].

Даже государственный переворот 1980 года в Турции, после которого был формально установлен запрет на деятельность «Партии националистического действия», а её вождь (тур. *başbuğ*) Альпарслан Тюркеш был осуждён, не оказал существенного влияния на деятельность пантюркистов, — уже в середине 1980-х гг. Тюркеш вышел на свободу, а его партия, переименованная в «Националистическую партию труда» (тур. *Milliyetçi Çalışma Partisi*), вновь продолжила свою работу [3], и уже в 1991 году Тюркеш был избран в Великое национальное собрание Турции, а его партии было возвращено прежнее название⁴.

ТУРЦИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Распад Советского Союза и образование нескольких национальных тюркских республик в Центральной Азии на рубеже 1980–1990-х гг. создали у турецких правящих кругов уверенность в возможности воспользоваться историческим шансом

² Komünizm Türk Dünyasının En Büyük Düşmanıdır Her Görüldüğü Yerde Ezilmelidir. 4 декабря 2019 г. URL: <https://vk.cc/cwbK0L> (дата обращения: 14.04.2024)

³ Reha Oğuz Türkan. URL: <https://www.biyografya.com/biyografi/15854> (дата обращения: 14.04.2024).

⁴ Türk dünyasının bilge lideri. Türk milliyetçiliğinin kurucusu. Başbuğ Alparslan Türkeş'in hayatı. URL: https://www.mhp.org.tr/htmldocs/basbug/hayati/mhp/basbugumuzun_hayati.html (дата обращения: 14.04.2024)

распространить в этом регионе, равно как и в Закавказье, своё влияние, приблизив воплощение в жизнь давних пантюркистских амбиций [3]. К тому же в этом стремлении Турция встречала поддержку со стороны США, Великобритании и НАТО, видевших в этом возможность не только продвинуть собственные интересы в данном регионе через посредство своего турецкого союзника, но и обезопасить себя от «экспорта исламской революции» в Центральную Азию со стороны Ирана⁵.

Признав в середине декабря 1991 года среди первых независимость среднеазиатских республик, Турция сразу же стала прикладывать усилия по расширению собственного присутствия в Центральной Азии. Одним из самых деятельных сторонников данного вектора был Сулейман Демирель, крупнейший турецкий политический деятель второй половины XX века, многолетний премьер-министр, а затем — президент Турции в 1993–2000 гг., по мысли которого, первоначальной задачей турецкой внешней политике после краха «советской империи» было обеспечить независимость среднеазиатских республик, моделью развития которых должна была стать Турецкая Республика⁶. Подобного мнения придерживался и предшественник Демиреля на посту президента Турции Тургут Озал (1989–1993 гг.): «главные надежды среднеазиатских государств бывшего СССР связаны с возможностью последовать примеру Турции в том, что касается государственного устройства» [3].

Однако Сулейман Демирель пошёл ещё дальше, решив окончательно взять под опеку едва ставшие независимыми центральноазиатские республики, предложив им проекты национальных конституций, разработанные в Турции, а также выйти из рублёвой зоны. Уже весной 1992 года Демирель, сопровождаемый выше упомянутым Альпарсланом Тюркешем, в статусе премьер-министра Турции прибыл с официальным визитом в страны Центральной Азии [14], пообещав выдать республикам кредит в 1 млрд. долл. (чего впоследствии сделано так и не было)⁷. Перед этим в январе того же года было учреждено Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (тур. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı — TİKA), ориентированное в первую очередь на контакт со странами Центральной Азии и Закавказья⁸. Уже тогда целый ряд лидеров республик Центральной Азии (Н. Назарбаев, И. Каримов и др.) высказывался о теоретической возможности формирования союза тюркских народов [14].

Было положено начало привлечению тысяч студентов из республик Центральной Азии на обучение в Турцию, в центральноазиатских государствах стали открываться первые школы турецкого движения «Хизмет» (тур. Hizmet — служение) Фетхуллаха Гюлена с очень особенным акцентом на преподавании ислама (в особенности трудов радикального мыслителя Бадруззамана Саида Нурси)⁹ [15]. В 1993 году при участии министров

⁵ Лазович М. Турецкий султан в постсоветской Центральной Азии: военно-политический и культурологический аспекты. 3 июня 2018 г. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/milan-lazovich/turetskiy-sultan-v-postsovetской-centralnoy-azii-voennopoliticheskiy/> (дата обращения: 15.04.2024)

⁶ Demirel'in Orta Asya planı. 27 июля 1998 г. URL: <https://www.milliyet.com.tr/dunya/demirelin-orta-asya-planı-5351059> (дата обращения: 15.04.2024)

⁷ Türkiye'nin Orta Asya Politikası Eksiklikler ve Öneriler. 22 Апреля 2022 г. URL: <https://www.tuicakademi.org/turkiyenin-orta-asya-politikasi-eksiklikler-ve-oneriler/> (дата обращения: 15.04.2024)

⁸ Tarihçe. TİKA'nın Tarihi. URL: <https://tika.gov.tr/kurumumuz/tarihce/> (дата обращения: 15.04.2024)

⁹ Школы Хизмет. 2 сентября 2022 г. URL: <https://gulenmedia.com/?p=1802> (дата обращения: 15.04.2024)

культуры Турции, Азербайджана, Туркменистана, Узбекистана, Киргизии и Казахстана была создана Международная организация тюркской культуры (тур. Uluslararası Türk Kültürü Teşkilatı) TÜRKSOY¹⁰. Тем не менее, столь поспешная и однозначная ориентация Турции на Центральную Азию в 1990-х гг. далеко не всеми воспринималась однозначно позитивно. О многовекторности турецкого политического истеблишмента, внутри которого действуют как модернисты-западники, как исламисты, так и националисты, достаточно красноречиво высказывался Збигнев Бжезинский, делавший особенный акцент на последних: «обращённые к истории националисты видят новое предназначение тюркских народов бассейна Каспийского моря и Средней Азии в регионе, где доминирует Турция» [7].

К тому же отнюдь не во всём республике Центральной Азии были единодушны с Турцией: никто из них не выражал готовность вступить в какую-либо организацию с наднациональными полномочиями или сформировать единое беспопыльное рыночное пространство, известную трудность представляли позиция Турции по Нагорному Карабаху и международный статус Турецкой Республики Северного Кипра [14]. Не нашло воплощения строительство транскаспийского газопровода из Туркменистана в Турцию в связи с заключением долгосрочного газового контракта Турции с Россией, за которым последовало строительство газопровода «Голубой поток» в Чёрном море¹¹ [16].

Наконец, к концу 1990-х гг. прежний оптимизм, который питало турецкое руководство относительно будущего союза тюркских государств, однозначно шёл

на понижение. Успешными и многообещающими выглядели отношения Турции с республиками Центральной Азии в плане торговли, образования и культуры, но существенного политического влияния на данные страны Турция установить не смогла и «фактически смирилась с весьма ограниченной политической ролью в центральноазиатском регионе в целом» [14].

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Приход к власти в 2002 году «Партии справедливости и развития» во главе с премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом стал знаменательным событием не только в новейшей истории Турции, но и в её отношениях с Центральной Азией. Несмотря на то, что с самого начала новое правительство было настроено вполне проевропейски и не проявляло специфических признаков консервативной, исламистской и тем более неоосманистской ориентации, именно в 2000-е годы Турция, переосмыслив свою политику в отношении Центральной Азии, как никогда прежде интенсифицировала продвижение собственных интересов в данном регионе [17].

Осознав маловероятность осуществления пантюркистских проектов в политической плоскости на уровне межгосударственных отношений после слишком преждевременных и настойчивых шагов в 1990-х гг., Турция сделала ставку расширения сетки собственных международных организаций. Вдобавок к вышеупомянутым «Тюрксою» и Турецкому агентству по сотрудничеству и координации, арсенал «мягкой силы» Турции пополнился Организацией тюркских государств

¹⁰ Tarihçe. Türksoy. Uluslararası Türk Kültürü Teşkilatı. URL: <https://www.turksoy.org/tarihce> (дата обращения: 15.04.2024)

¹¹ Россия договорилась с Турцией по газу до 2025 года. 28 декабря 2011 г. URL: <https://www.bfm.ru/news/166040> (дата обращения: 15.04.2024)

(тур. Türk Devletleri Teşkilatı; до 2021 г. — Тюркский совет, тур. Türk Keneşi), Парламентской ассамблеи тюркских государств (тур. Türk Devletleri Parlamenter Asamblesi), Тюркской академией (тур. Türk Akademisi), Институтом Юнуса Эмре (тур. Yunus Emre Enstitüsü) и пр. [18].

Активность в регионе проявляет турецкое Управление по делам религии (тур. Diyanet İşleri Başkanlığı), также известное как «Диянет», не только участвующее в строительстве мечетей в Центральной Азии, но и занимающееся подготовкой местного исламского духовенства [19]. Постройка новых мечетей стала в некотором роде вопросом престижа и борьбы за умонастроения в регионе не только для Турции, но и для Саудовской Аравии, Катар, ОАЭ, Ирана и т.д. Одним из самых показательных шагов в турецкой «дипломатии мечетей» стало строительство крупнейшей в Центральной Азии мечети, выполненной в традиционном османском стиле, в столице Киргизии Бишкеке в 2018 году¹².

Отдельной стороной турецкой «мягкой силы» в Центральной Азии являлась деятельность движения «Хизмет», возглавляемого проповедником Фетхуллахом Гюленом. Как было отмечено выше, сеть лицеев и школ, курируемых данным движением, делает особенный акцент на преподавании ислама через призму трудов мыслителя Бадиуззамана Саида Нурси. Взгляды Нурси, изложенные в его труде, тафсире (комментарии) на Коран «Рисале-и Нур» (тур. Risale-i Nur — послание света; отдельные главы книги

запрещены в России¹³), разделяемые сообществом его последователей «Нурджулар» (тур. Nurcular — сторонники света; организация запрещена в России¹⁴) имеют широкую базу не только в Турции, где количество «нурсистов» оценивается от 2 до 6 миллионов¹⁵, но и внутри исламистского подполья внутри России и в странах Центральной Азии.

Крупнейшей площадкой популяризации радикальных взглядов Нурси является именно движение «Хизмет» и сеть её образовательных учреждений по всему миру [20]. Позиционируя себя школами с светским образованием, в действительности гюленовские лица исподволь внедряют в сознание своих студентов очень конкретные религиозные идеи [15]. Дело в том, что как таковое учение Саида Нурси, сформировавшего вокруг себя при жизни тарикат-братство, во много принимавший сектантские очертания, предполагает активный прозелитизм: сакральной обязанностью нурсистов является пропаганда даже не столько Корана, сколько именно труда своего мушрида-наставника «Рисале-и Нур». Их конечной целью являются ниспровержение светских государств и установление шариата и мусульманского господства во всём мире [20].

С 1990-х гг. сеть лицеев и школ Фетхуллаха Гюлена, ученика и проводника идей Саида Нурси [20], раскинулась по всем центральноазиатским республикам: в Узбекистане было открыто 65 школ, в Казахстане — 36, в Киргизии — 25, в Туркменистане — 14, в Таджикистане — только 7 (что, по видимому, обуславливается тем, что большая

¹² Икромов Ш. Дипломатия мечетей в Центральной Азии: геополитика, начинающаяся с михраба. 3 декабря 2020 г. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21135> (дата обращения: 15.04.2024)

¹³ Пропаганда исключительности и превосходства. 7 февраля 2013 г. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/02/07/4956313.shtml?updated> (дата обращения: 16.04.2024)

¹⁴ Суд Калининграда признал экстремистскими тексты богослова Нурси. 6 февраля 2013 г. URL: <https://ria.ru/20130206/921597383.html> (дата обращения: 16.04.2024)

¹⁵ Hakan Yavuz M. Towards an Islamic Liberalism?: The Nurcu Movement and Fethullah Gülen. URL: <https://www.jstor.org/stable/4329392> (дата обращения: 16.04.2024)

часть населения этой страны не относится к тюркской языковой группе). Однако на сегодняшний день после появления определённых подозрений, что турецкие лица могут пропагандировать исламистскую и пантюркистскую повестку, их деятельность было радикально сокращена в Узбекистане и Туркменистане. В настоящий момент работу гюленовских школ сохраняется главным образом в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане [21].

Деятельность школ движения «Хизмет» в Центральной Азии продолжается даже несмотря на запрет движения в самой Турции после попытки государственного переворота в июле 2016 года, в котором правительство Р.Т. Эрдогана обвинило Фетхуллаха Гюлена, однако прерогатива перевоспитания центральноазиатской молодёжи и пропаганды ислама в её среде в дальнейшем была поручена структурам «Диянет» [18].

ПЕРСПЕКТИВЫ ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Испытав второе рождение во второй половине XX века при активном участии неонацистской «Партии националистического движения», за которой стояли структуры НАТО (операция «Контргерилья»), в условиях жесточайшей борьбы с левыми, рабочими, профсоюзными деятелями и курдским национально-освободительным движением внутри Турции [13], пантюркистские амбиции получили полный карт-бланш в турецкой внешней политике в отношении постсоветской Центральной Азии. Однако потерпев неудачу при попытках установить чрезмерно настойчивую «опеку» над новыми республиками в 1990-х гг., Турция, которая никогда не отказывалась от своего «явного

преднамерения» выступать точкой сборки тюркоязычных народов, начала претворять свои замыслы через исключительно широкий инструментарий «мягкой силы»: от строительства мечетей и религиозных школ до международных организаций типа «Тюрксоя» [17].

Однако у намерений Турции существует масса препятствий: с одной стороны, это деятельность других государств, в образ будущего которых не вкладывается турецкое (следовательно, и американское) господство в Центральной Азии, — Россия, Китай, Иран; а с другой стороны, и национальные интересы самих республик Центральной Азии, которые и без того достаточно осторожно относятся попечительству «старшего брата» в лице Турции [22].

К тому же между анатолийскими турками и такими народами Центральной Азии, как узбеки, уйгуры, каракалпаки, казахи, киргизы и пр. существуют достаточно существенные отличия, в том числе на расово-антропологическом или языковом уровне: турецкий язык принадлежит к огузской ветви тюркской языковой семьи (равно как туркменский и азербайджанский), в то время как узбекский и уйгурский относятся к карлукской ветви, а казахский, каракалпакский и киргизский — к кыпчакской¹⁶. Языки, разделённые друг между другом на тысячи километров и сотни лет исторической изоляции, неизбежно накопили груз принципиальных различий (например, лексика киргизского и турецкого языков совпадает не более чем, на 1/6 [23]), в то время как турецкое видение пантюркизма (Зия Гёкальп, Нихаль Атсыз, Альпарслан Тюркеш и др.) в конечном счёте предполагает «отуречивание» всех других тюркских народов [22].

¹⁶ Гаджиева Н.З. Отдельные классификации тюркских языков. URL: <https://vk.cc/cwhmId> (дата обращения: 18.04.2024)

Все страны Центральной Азии в той или иной степени имеют собственное представление о своей роли в своём регионе и в мире в целом. Показателен пример Казахстана, который, несмотря на достаточно активное сотрудничество с Турцией в экономической и военной сфере [1], имеет далеко идущие планы в контексте евразийской интеграции, получившей начало ещё середине 1990-х гг. в правление Н.А. Назарбаева, предполагавшего, что «интеграционный центр общего пространства будет смещён от России и в Казахстан, который географически и логистически является ядром Евразии» [24].

С большим беспокойством за ростом влияния Турции в Центральной Азии наблюдают и такие страны, как Россия или КНР. Проникновение пантюркистских и исламистских идей через посредство «мягкой силы» Турции в регион может не только сформировать здесь очаги деструктивных политических и религиозных течений, направленных против России и русского населения, но и, самое главное, обернуться ещё большим притоком в Россию многотысячных масс мигрантов, исповедующих разрушительный для нашей страны радикальные исламистские и пантюркистские идеи, чем мы имеем теперь [25].

В свою очередь, для Китая претворение в жизнь каких-либо пантюркистских проектов в Центральной Азии равнозначно угрозе его собственной территориальной целостности ввиду сепаратистской активности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Ключевой силой, добивающейся отделения Синьцзяна от Китая, является террористическая организация «Исламское движение Восточного Туркестана», которое, несмотря на запрещённый статус

в Турции¹⁷, принимало участие в гражданской войне в Сирии на стороне «Джабхат ан-Нусры» (запрещена в РФ) при турецкой поддержке¹⁸. Сам президент Турции Р.Т. Эрдоган не единожды критиковал Китай за политику в отношении уйгуров и даже характеризовал её как «геноцид» [25] (даже при том что численность уйгуров в Китае за последние 20 лет выросла в полтора раза — с 8 до 12 млн. чел. [26]). В конечном счёте, рост влияния Турции в Центральной Азии, играющий на руку геополитическим интересам США, напрямую может угрожать будущему китайского проекта «Один пояс — один путь» [27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, перспективы Турции в Центральной Азии в настоящее время не имеют видимости однозначно благоприятного для неё исхода, подразумевавшего бы появление некоей конфедерации тюркских государств, если не сказать больше. Последовательная информационная политика Турции, культивирующая идеи тюркского и мусульманского единства с народами Центральной Азии, вместе с сетью своих международных организаций и образовательных заведений создаёт впечатление очень амбициозного проекта, который, однако, на сегодняшний день так и не привёл к каким-либо существенным подвижкам в построении «туранского государства» [3], а учитывая реальную степень зависимости республик Центральной Азии, выраженную, например, в их исключительно высокой задолженности перед Китаем [28], становится очевидно, что Турция не обладает ресурсом определять политическую повестку в данном регионе.

¹⁷ Turkey lists «E. Turkestan Islamic Movement» as terrorists. August 03, 2017. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/0803/c90883-9250745.html> (дата обращения: 18.04.2024)

¹⁸ China's proxy war in Syria: Revealing the role of Uighur fighters. URL: <https://vk.cc/cwhuRo> (дата обращения: 18.04.2024)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Матюхин А.В., Давыдова Ю.А., Каргаполова Е.В. Казахстан: векторы внешней политики. *Социально-гуманитарные знания*. 2022;2:283-796.
2. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН; 2003. С. 18.
3. Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. Москва: Издательство «Русская панорама»; 2017. С. 48-248.
4. Роган Ю. Падение Османской империи. Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914-1920 гг. Москва: Альпина нон-фикшн. 2018. С. 143-463.
5. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917): 1916 год. Сверхнапряжение. Москва: Кучково поле; Военная книга; 2015. С. 111.
6. Киреев Н.Г. История Турции XX век. Москва: ИВ РАН: Крафт+; 2007. С. 110.
7. Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX-XXI вв. Москва: Издатель Воробьев А.В.; 2019. С. 8-161.
8. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Казань: Издательство «Иман»; 2002. С. 23-175.
9. Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. Москва: Издательство «АСТ»; 2004. С. 229-232.
10. Марковчин В.В. В судорожных поисках союзников: Гитлер и Турция. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2019;№3(18):108-109.
11. Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. Москва: Квадринга; 2017. С. 199.
12. Кандакчян Р.П. Внутренняя политика Турции в годы Второй мировой войны. Ереван: издательство Академии наук Армянской ССР; 1978. С. 173
13. Fernandes D., Özden İ. United States and NATO inspired 'psychological warfare operations' against the 'Kurdish communist threat' in Turkey. *Variant*. 2001;2(12):10-12.
14. Троицкий Е.Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992-2000 гг.). *Вестник Томского Государственного университета*. 2009;328:84-87.
15. Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции. *Россия и мусульманский мир*. 2016;12(294):71-114.
16. Аватков В.А. Внешняя политика Турции. 2002-2018. Москва: Издательство «Юрайт»; 2019. С. 1357
17. Грозин А.В. Политика Турции в постсоветской Азии: походы, институты, перспективы. *Постсоветский материк*. 2021;2(30):109-110.
18. Gümüş B. Diyanet işleri başkanlığı'nın Orta Asya faaliyetleri. *Sosyal ve beşeri bilimleri dergisi*. 2010;2(1):30-37.
19. Излученко Т.В. Богословие Саида Нурси как идеологическая основа российского исламизма. *Философия права*. 2015;4(71):5.
20. Цыбенко В.В. Основные особенности деятельности последователей Саида Нурси (Нурджулар). *Сектоведение*. 2014;4:108-115.
21. Хасанов А. Турецкие лицеи в Таджикистане. *Евразийский Союз Учёных*. 2014;8:107-108.
22. Васильева С.А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность. *Социум и власть*. 2011;3(31):76-77.
23. Жумакунова Г. Сходства и различия между тюркскими языками и сопоставительные методы в обучении. *Новые исследования Тувы*. 2018;1:108.
24. Кабазиев М.Ш. Идея евразийства в контексте конструирования политической идентичности современного Казахстана и её институциональное воплощение. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023;1(74):70.
25. Бяуров Д.В. Некоторые аспекты политической деятельности Рабии Кадыр — видного

деятеля уйгурского национального движения. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015;7(7):40-44.

26. Сулейманов Р.Р. Мигранты и их роль в распространении радикальных течений ислама в России: причины, проявления и последствия. *Мусульманский мир*. 2014;2:89.

27. Цзяньган В. Современная демографическая политика Китая на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района. *Социология*. 2017;2:556.

28. Вавилов Н.Н. Китайская власть. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2021. С. 25

REFERENCES:

1. Matyukhin A.V., Davydova Yu.A., Kargapolova E.V. Kazakhstan: vectors of foreign policy. *Social and humanitarian knowledge*. 2022;2:283-796 (In Russ).
2. Vambéry A. Traveling through Central Asia. Moscow: Publishing company "Oriental Literature" RAS; 2003. P. 18. (In Russ).
3. Nadein-Raevsky V.A. Pan-Turkism: ideology, history, politics. Expansionist doctrine: from the Ottoman Empire to the present day and the fate of Turkey, Russia and Armenia. Moscow: Russian Panorama Publishing House; 2017. 48-248 p. (In Russ).
4. Rogan Y. The Fall of the Ottoman Empire. First World War in the Middle East, 1914-1920. Moscow: Alpina non-fiction; 2018. 143-463 p. (In Russ).
5. Airapetov O.R. Participation of the Russian Empire in the First World War (1914-1917): 1916. Supertension. Moscow: Kuchkovo pole; War book; 2015. P. 111. (In Russ).
6. Kireev N.G. History of Turkey XX century. Moscow: IV RAS: Kraft+; 2007. P. 110. (In Russ).
7. Ivanova I.I. The evolution of the Middle East policy of the Turkish Republic in the XX-XXI centuries. Moscow: Publisher Vorobyov A.V.; 2019. 8-161 p. (In Russ).
8. Arsharuni A., Gabidullin H. Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia. Kazan: Iman Publishing House; 2002. 23-175 p. (In Russ).
9. Romanko O.V. Muslim legions in the Second World War. Moscow: AST Publishing House; 2004. 229-232 p. (In Russ).
10. Markovchin V.V. In a frantic search for allies: Hitler and Türkiye. *Journal of Russian and East European Historical Research*. 2019;№3(18):108-109. (In Russ).
11. Ereemeev D.E. History of the Turkish Republic from 1918 to the present day. Moscow: Quadringa; 2017. P. 199. (In Russ).
12. Kandakchyan R.P. Internal policy of Turkey during the Second World War. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR; 1978. P. 173. (In Russ).
13. Fernandes D., Özden I. United States and NATO inspired 'psychological warfare operations' against the 'Kurdish communist threat' in Turkey. *Variant*. – 2001;2(12):10-12.
14. Troitsky E.F. Turkey's policy in Central Asia (1992-2000). *Bulletin of Tomsk State University*. 2009;328:84-87. (In Russ)
15. Kireev N.G. Islamic-Turkish synthesis in the state ideology of Turkey. *Russia and the Muslim world*. 2016;12(294):71-114. (In Russ)
16. Avatkov V.A. Foreign policy of Turkey. 2002-2018: textbook for universities. Moscow: Publishing house "Urayt"; 2019. P. 1357. (In Russ)
17. Grozin A.V. Turkey's policy in post-Soviet Asia: campaigns, institutions, prospects. *Post-Soviet continent*. 2021;2(30):109-110. (In Russ)
18. Gümüş B. Diyanet işleri başkanlığı'nın Orta Asya faaliyetleri. *Sosyal ve beşeri bilimleri dergisi*. 2010;2(1):30-37. (In Turk.)
19. Izluchenko T.V. Theology of Said Nursi as the ideological basis of Russian Islamism. *Philosophy of Law*. 2015;4(71):5. (In Russ).

20. Tsybenko V.V. The main features of the activities of the followers of Said Nursi (Nurcular). *Sectology*. 2014;4:108-115. (In Russ).
21. Khasanov A. Turkish lyceums in Tajikistan. *Eurasian Union of Scientists*. 2014;8:107-108. (In Russ).
22. Vasilyeva S.A. Pan-Turkism at the present stage: theoretical basis and practical activity. *Society and power*. 2011;3(31):76-77. (In Russ).
23. Zhumakunova G. Similarities and differences between Turkic languages and comparative methods in teaching. *New studies of Tuva*. 2018;1:108. (In Russ).
24. Kabaziev M.Sh. The idea of Eurasianism in the context of constructing the political identity of modern Kazakhstan and its institutional implementation. Caspian region: politics, economics, culture. 2023;1(74):70. (In Russ).
25. Byaurov D.V. Some aspects of the political activity of Rabia Kadyr, a prominent figure in the Uyghur national movement. *Historical and social-educational thought*. 2015;7(7):40-44. (In Russ).
26. Suleymanov R.R. Migrants and their role in the spread of radical movements of Islam in Russia: causes, manifestations and consequences. *Muslim World*. 2014;2:89. (In Russ).
27. Jiangang V. Modern demographic policy of China using the example of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region. *Sociology*. 2017;2:556. (In Russ).
28. Vavilov N.N. Chinese power. Moscow: Partnership of scientific publications KMK; 2021. P. 25. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тимур В. Андрухин, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
tymwrayrany11680@gmail.com

Timur V. Andrukhin, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow. Russia; bld. 6, Mikluho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia;
tymwrayrany11680@gmail.com

Политика Турции в Центральной Азии

Дина Толеген

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

dina.tolegen.18@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется внешнеполитический курс Турецкой Республики в Центральной Азии, который активизировался в последние годы. Анализируются амбициозные энергетические проекты Турции, которая стремится стать энергетическим «хабом». В статье большое внимание уделяется исследованию институциональной основы и ключевых инструментов «мягкой силы» Турции, которая проводит активную политику в отношении тюркоязычных стран Центральной Азии. Это позволило Турции значительно расширить свое влияние в странах региона, конкурируя с российским и китайским влиянием. В статье исследуется роль «Организации тюркских государств» (ОТГ), деятельности которой Анкара уделяет повышенное внимание. Турецкая политика направлена на использование потенциала этой организации в реализации собственных интересов. В статье делается вывод, что ОТГ играет значительную роль в качестве одного из важных субъектов между Турцией и государствами региона. Также в заключении отмечается, что политика Турции в Центральной Азии направлена на решение долгосрочных задач, связанных с расширением политического, экономического и культурного влияния.

Ключевые слова: Центральная Азия, Турция, тюркоязычные государства, мягкая сила, углеводородные ресурсы

Для цитирования: Толеген Д. Политика Турции в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(2):138–146. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-138-146>

Поступила 07.01.2024

Принята в печать 19.03.2024

Опубликована 30.06.2024

Turkey's policy in Central Asia

Dina Tolegen

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

dina.tolegen.18@gmail.com

Abstract: The article explores the foreign policy course of the Republic of Turkey in Central Asia, which has intensified in recent years. The article analyses ambitious energy projects of Turkey,

which seeks to become an energy 'hub'. The article pays great attention to the study of the institutional framework and key instruments of Turkey's 'soft power', which pursues an active policy towards the Turkic-speaking countries of Central Asia. This has allowed Turkey to significantly expand its influence in the countries of the region, competing with Russian and Chinese influence. The article explores the role of the 'Organisation of Turkic States' (OTS), whose activities Ankara pays increased attention to. Turkish policy is aimed at using the potential of this organisation to pursue its own interests. The article concludes that the Organization of Turkic States plays a significant role as one of the important actors between Turkey and the states in the region. It also concludes that Turkey's policy in Central Asia is aimed at addressing long-term objectives related to the expansion of political, economic and cultural influence.

Keywords: Central Asia, Turkey, Turkic-speaking states, soft power, hydrocarbon resources

For citation: Tolegen D. Turkey's policy in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(2):138-146. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-138-146>

Received 07.01.2024

Revised 19.03.2024

Published 30.06.2024

ВВЕДЕНИЕ

Современная Центральная Азия после распада Советского Союза приобрела статус значимого региона, который оказывает влияние на региональную и международную политику. Тем самым Центральная Азия выступает в качестве основного связующего звена на стыке глобальных и региональных проектов.

Этот регион обладает богатыми запасами энергоресурсов. Возможность их поставки в зарубежные страны способствует повышению роли Центральной Азии в области энергетической политики. В то же время такие угрозы безопасности, как фундаментализм и наркотрафик, происходящие из Афганистана, приводят к дестабилизации ситуации в регионе и в то же время укрепляют местные режимы. Именно в таких условиях внешние акторы реализуют различные интеграционные проекты в политической, военной, торговой, экономической, идеологической и культурной областях. В этом случае

их целью, очевидно, является увеличение своего влияния на процесс развития региона и использование его природных ресурсов. В результате Центральная Азия становится регионом противостояния за власть [1, с. 720].

В результате новой внешней политики Р.Т. Эрдогана и повышения активной роли страны в международных отношениях Турецкая Республика, которая имеет схожие исторические, лингвистические, конфессиональные и культурологические связи со странами региона, превращается в нового участника «большой игры».

После вступления в должность Р.Т. Эрдогана внешнеполитический курс Турции стал носить неоосманский, исламистский и пантюркистский характер, что свидетельствует о приоритетности региона для Турции [2, с. 116]. По итогам своих первых официальных визитов в Турцию в 1991 году главы Казахстана и Узбекистана высказали свои намерения,

что страны региона надеются на социокультурную, экономическую и политическую помощь и поддержку со стороны Турции. Уже в следующем году президент Турецкой Республики Сулейман Демирель посетил регион с первым официальным визитом и объявил о предоставлении кредита в объеме 1 миллиарда долларов. Между Турцией и государствами региона к концу 1993 года было подписано уже порядка 200 различных договоренностей.

Начиная с 1992 года Турецкая Республика приступила к реализации своей пантюркистской внешней политики более целенаправленно посредством тщательно сформированных институтов. Так, в 1992 году были учреждены ТІКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации) и телеканал TRT Eurasia для тюркоязычных стран.

Приоритетными внешнеполитическими направлениями для Турции в Центральной Азии, согласно данным Министерства иностранных дел Турции, являются:

- Укрепление стабильности и продвижение демократических ценностей в регионе с помощью налаживания двусторонних и многосторонних связей;
- Увеличение эффективности деятельности многосторонних структур, таких как ОТГ, TURKSOY, ТІКА;
- Расширение взаимодействия между странами региона с использованием ряда механизмов, таких как создание экономических комиссий и советов высокого уровня по вопросам стратегического сотрудничества;
- Поддержка экономического роста государств региона;
- Нарращивание объема экономических вложений в регион путем укрепления торговых и экономических взаимоотношений.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТУРЦИИ С ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМИ СТРАНАМИ

Одной из основных сфер сотрудничества Турции со странами Центральной Азии является торговая деятельность. Почти 4000 турецких компаний работают в Центральной Азии. Турецкая Республика входит в число важных приоритетов сырьевого экспорта государств Центральной Азии и занимает ключевое место в системе их внешней торговли. Согласно данным турецкой таможни, в 2022 году внешняя торговля Турции со странами Центральной Азии составила около 12 млрд долларов, что на 22% больше, чем в прошлом году¹.

Одним из важными проектов в энергетической сфере данного региона является трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД). Этот нефтепровод, который был разработан с целью перекачки каспийской нефти в турецкий порт Джейхан, работает с 2006 года [3, с. 46]. Общая протяженность трубопровода превышает 1700 км, а его мощность составляет 1,2 млн баррелей нефти в день. Нефтепровод проходит по территории Азербайджана, Грузии и Турции, а также перекачивает нефть и конденсат из нескольких стран Каспийского региона, включая Казахстан и Туркменистан.

Турецкая Республика рассматривает Центральную Азию как перспективный регион для осуществления инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры. На протяжении нескольких последних лет Турция инвестировала в развитие нескольких масштабных проектов в регионе, среди которых сооружение международного порта в Ашхабаде и реконструкция порта в Туркменбаши. Также в 2020 году турецкая компания TAV Airports приобрела

¹ Выборы в Турции: влияние на Центральную Азию. URL: <https://ia-centr.ru/publications/vyborny-v-turtsii-vliyanie-na-tsentralnuyu-aziyu/> (дата обращения: 28.06.2023)

100 % акций алматинского аэропорта, который является крупнейшим аэропортом в Казахстане².

Совместно с Китаем Турция в дальнейшем планирует осуществить проект транскаспийского транспортного маршрута — артерии, которая позволит соединить страны тюркского мира. Подобные амбициозные проекты демонстрируют стремление Анкары стать «энергетическим хабом» Евразии, по которому газ будет поступать в Европу из России, Центральной Азии, Азербайджана и Восточного Средиземноморья [3, с. 47].

В дальнейшем экономическое присутствие Анкары в регионе будет заметно увеличиваться, если удастся реализовать проект TURANCEZ по организации специальной экономической зоны, который был утвержден на саммите ОТГ в Самарканде в 2022 году³.

Однако экономическое влияние Анкары по-прежнему значительно уступает влиянию России и Китая. Экономическому сотрудничеству препятствуют задержки в поставках и недостаток инфраструктуры, при этом альтернативные маршруты еще не в полной мере налажены, но геоэкономические и геополитические амбиции Турции превращают ее в важного регионального игрока.

«МЯГКАЯ СИЛА» ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Политика мягкой силы становится главным проводником внешней политики. В реализации этой цели ей способствуют кредиты экономической помощи, транснациональные корпорации, теле- и медиаиндустрия, различные бренды,

благотворительные организации, льготные образовательные гранты, международные культурно-просветительские проекты и различные мероприятия [2, с. 121].

Признание государственности центральноазиатских республик пришлось на период президентства Тургута Озала, получившего известность в качестве архитектора внешнеполитического курса в отношении стран Центральной Азии, и именно в этот период развернулась политическая, культурная, гуманитарная, торговая и экономическая деятельность. После завершения холодной войны Т.Озал определил вектор внутренней и внешней политики Турции. Страна стремилась оказывать влияние, делая акцент на общих этнических корнях и общей культуре, что является одним из ключевых компонентов теории мягкой силы [4, с. 358].

Для осуществления политики мягкой силы необходимо иметь достаточную развитую экономическую инфраструктуру и финансовый потенциал. Анкара имеет более скромный потенциал на фоне стран с сильной экономикой в мире, но обладает широким спектром средств для проведения влиятельной политики в области мягкой силы. Турция проводит свою политику мягкой силы в Центральной Азии в сфере культурно-гуманитарной деятельности, идей турецкой интеграции, торгово-экономического сотрудничества со странами региона.

Бывший министр иностранных дел Ахмет Давутоглу, один из самых известных сторонников политики мягкой силы в современной Турецкой Республике, является автором концепций «Стратегическая

² TAV Airports купил аэропорт Алматы за \$415 млн. URL: <https://kapital.kz/finance/86929/tav-airports-kupil-aeroport-almaty-za-415-mln.html> (дата обращения: 15.07.2023)

³ Саммит ОТГ в Самарканде: новая страница в интеграции тюркского мира. URL: <https://www.trussian.com/mnenie/sammit-otg-v-samarkande-novaya-stranica-v-integracii-tyurkского-mira-10834488> (дата обращения: 15.07.2023)

глубина: Международная роль Турции» и «Ноль проблем с соседями». Эти концепции непосредственно задали курс внешней политики страны. Это связано с заявлениями Давутоглу о том, что Турция должна поднять и укрепить свой имидж в Северной Африке, на Балканах, на Кавказе и в Центральной Азии [2, с. 119].

Турецкая Республика была первой из стран, наладивших дипломатические и экономические взаимоотношения с государствами центральноазиатского региона. При помощи некоторых организаций Анкара стремилась к установлению с региональными странами отношений экономического, культурно-социального и политического характера. Для страны характерно применение инструментов мягкой силы в интеграционных целях во многих сферах жизнедеятельности. При этом интеграционная деятельность реализовывалась не только на государственном уровне, но и посредством систем, функционирующих в парадигме мягкой силы. Так, некоторые из этих институтов были созданы в 1992 году под руководством Министерства иностранных дел, например, Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TIKA) и Совет по внешнеэкономическим связям [5, с. 34].

Первая дипломатия мягкой силы Турции в Центральной Азии началась в 1992 году с «Большого студенческого проекта», который инициировал покойный президент Турции Тургут Озал. К 2012 году проект был завершен. Вместо этого, под эгидой турецкого Президиума по делам турок за рубежом и связанных с ними сообществ (YTB), стали предоставляться образовательные гранты для молодежи из Центральной Азии. Помимо сотрудничества в области образовательных программ, с целью продвижения турецкого языка и культуры в 2009

году был основан Институт Юнуса Эмре. Международная организация тюркской культуры (TURKSOY), Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TIKA), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (TURKPA), Институт Юнуса Эмре и Президиум по делам турок за рубежом и родственных сообществ (YTB) играют ведущую роль в институциональном подходе Турции к политике мягкой силы в Центральной Азии [6, с. 171]. Растущий интерес иностранной молодежи к турецким университетам и увеличение числа студентов можно объяснить активным участием Турции в сфере образования, которая является наиболее активной составляющей мягкой силы.

TIKA, Турецкое агентство по сотрудничеству и координации, занимающееся сотрудничеством в культурной, гуманитарной, научной и технической областях, работает в Центральной Азии с 1992 года.

TURKSOY, международная организация культуры тюркских народов, учрежденная во всех странах Центральной Азии, кроме Таджикистана, по предложению Турции. TURKSOY занимается вопросами поддержания и дальнейшего развития культуры представителей тюркских народов. Ключевой направленностью этой организации является продвижение на мировой арене понятия «тюркского мира» [7, с. 168]. Наиболее показательным примером можно назвать инициативу «Культурная столица тюркского мира», которая закладывает в массовое сознание информацию как о наличии «тюркского мира», так и наличии у этого мира своей «столицы», при этом формируется определенная видимость международно-политической субъектности (наличие границ и столицы).

Турция активно сотрудничает со странами Центральной Азии в сфере развития торговли, производства,

сельскохозяйственной отрасли, транспортных перевозок, а также туризма, научных исследований и других областях в рамках Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

С недавнего времени Фонд «Маариф» начал играть немаловажную роль в содействии развитию турецкого образования, а также в налаживании международных отношений Турции в этой сфере, курируя функционирование турецких учебных заведений за рубежом и параллельно занимаясь вопросами получения иностранцами льготного образования на территории Турции. Турецкая Республика реализует широкую программу стипендий «Türkiye Scholarships» для студентов из Центральной Азии, а также из других регионов. Под управлением Министерства национального образования находится целый ряд школ в республиках Центральной Азии. Существуют два совместных университета: Международный Казахско-Турецкий Университет им. Ходжа Ахмет Ясауи в Туркестане и Кыргызско-Турецкий Университет «Манас» в Бишкеке.

Дополнительные социальные и культурные функции также исполняются такими организациями, как Управление по делам религии (Диянет), которое осуществляет свою деятельность в более чем 140 странах мира и способствует распространению религиозного образования и продвижению культурных ценностей через сеть школ, университетов, образовательных курсов и т.д.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ

В ходе 8-го саммита лидеров государств Совета сотрудничества тюркоязычных государств, который прошел в Стамбуле

12 ноября 2021 года, власти Турции, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана анонсировали переименование «Совета сотрудничества тюркоязычных государств» (Тюркского совета), образованного в 2009 году, в «Организацию тюркских государств» (ОТГ) [1, с. 717]. В качестве страны-наблюдателя в Организацию был включен Туркменистан. Принципиальным отличием ОТГ от его предшественника, Тюркского совета, стало употребление понятия «тюркские государства» вместо «тюркоязычные государства». ОТГ является преемником и продолжением Тюркского совета, а его внутренняя система — это продолжение и обновление работы последнего. В ОТГ, как и в Тюркском совете, существует механизм председательства, при котором каждая страна-участница ежегодно занимает эту позицию на основе ротации.

Организация играет значительную роль в качестве одного из важных субъектов между государствами Центральной Азии и Турции. В рамках данной организации, Турецкая Республика имеет соглашения со странами региона в области образовательных программ, культурных мероприятий, торгово-экономических, а также транспортных и коммуникационных связей.

В состав ОТГ входят пять стран-участниц (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турция и Узбекистан) и две страны-наблюдателя: Венгрия (с августа 2018 г.) и Туркменистан (с ноября 2021 г.)⁴. Население стран-участниц и стран-наблюдателей организации составляет более 170 млн человек. На сегодняшний день потенциал данного объединения невелик: суммарный ВВП ОТГ едва превышает

⁴ Организация тюркских государств. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/522629?lang=ru> (дата обращения: 08.12.2023)

рубеж в 1 трлн долларов, а доля тюркской «семерки» (по схеме 5+2) в мировой торговле составляет всего 1,5%. Таким образом, в 2021 году совокупный ВВП стран-членов и наблюдателей ОТГ составлял около 1,4 трлн долларов (1,4% мирового)⁵.

В рамках подписанного документа по итогам саммита в Самарканде в сентябре 2022 года страны-участницы планируют развивать сотрудничество в торгово-экономической, транспортно-логистической, культурно-гуманитарной, военно-технической и других областях.

В ходе саммита ОТГ в Самарканде в 2022 году страны утвердили концепцию «Видение тюркского мира 2040», которая существенно расширяет возможности для взаимодействия членов организации и закрепляет важную роль Анкары в регионе.

Концептуально Турция подходит с позиции этнической близости тюркских народов, но в вопросах практической реализации внешней политики в отношении Центральной Азии подходит прагматично и стремится получить не только экономические, но зачастую и политические выгоды. Например, она пыталась добиться поддержки Центральной Азии в карабахском вопросе, а в 2022 году в своих интересах использовала саммит ОТГ, объявив о включении Северного Кипра в качестве наблюдателя в организацию, что, как выяснилось, даже не входило в повестку дня. Турецкая Республика Северного Кипра не была принята в Организацию тюркских государств (ОТГ), несмотря на то, что об этом ранее сообщалось

в турецких СМИ. С соответствующим заявлением выступил министр иностранных дел Узбекистана Владимир Норов на брифинге, посвященном итогам встречи глав государств ОТГ в Самарканде⁶.

В кризисные времена страны ОТГ обращаются в том числе и к Турции. Кыргызстан после конфликта на границе с Таджикистаном начал закупать турецкие военные беспилотники, а Казахстан также сообщил о приобретении турецких БПЛА. Центральноазиатские военнослужащие уже давно проходят обучение у турецких инструкторов, хотя и в небольшом количестве, а Анкара безвозмездно оказывает необходимую поддержку боеприпасами и оружием.

В юго-восточной Турции в провинции Кахраманмараш 6 февраля 2023 года произошли землетрясения магнитудой 7,7 и 7,6. Землетрясения, за которыми последовали тысячи афтершоков, были ощутимы в 11 провинциях республики и соседних странах, из которых в наибольшей степени пострадала Сирия. Согласно прогнозам ООН, размер ущерба от стихийного бедствия может составить 100 миллиардов долларов. Общее число жертв в Турции перевалило за 49 тысяч человек⁷.

Во время землетрясения Турция получила большую помощь от стран Центральной Азии, которые также отправили спасателей для устранения последствий природного бедствия. Во время чрезвычайного саммита, состоявшегося в Анкаре 16 марта 2023 года Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев предложил создать Центр гражданской обороны и совместно бороться

⁵ Нургожаев М. Центральная Азия в фокусе пересекающихся интересов. URL: <https://russkie.org/articles/tsentralnaya-aziya-v-fokuse-peresekayushchikhsya-interesov/> (дата обращения: 27.06.2023)

⁶ Норов опроверг информацию о принятии Северного Кипра в Организацию тюркских государств. URL: <https://fergana.media/news/128300/> (дата обращения: 28.06.2023)

⁷ Участники Организации тюркских государств создадут общий механизм реагирования на ЧС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17286559> (дата обращения: 28.06.2023)

с возможными чрезвычайными ситуациями⁸. Это событие оказало положительное влияние на имидж организации, укрепив связи на двустороннем уровне, также и в рамках ОТГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Страны Центральной Азии проявляют интерес к развитию отношений с Турцией, чьи международные позиции в течение последних лет укрепляются. В свою очередь, Турция стремится быть надежным партнером для Центральной Азии и будет предпринимать в этом направлении необходимые меры. Ей нужен такой надежный партнер, как Центральная Азия. Кроме того, роль Центральной Азии как надежного поставщика энергетических ресурсов и сырья также важна для Анкары. Хотя Турецкая Республика имеет незначительную долю во внешней торговле Центральной Азии, она является одним из основных импортеров.

Реализация ряда энергетических проектов превращает Турцию в энергетический центр для Европы и в целом соседей страны. Тем самым страна рассчитывает на формирование объединенного тюркского мира с единым рынком, который имеет общую региональную энергетическую и транспортную систему.

Инициированные Турцией международные организации стали ключевыми инструментами мягкой силы в Центральной Азии. Они в значительной степени способствовали формированию единой концепции «тюркской культуры». Эта модель сформировала соответствующее общественное мнение и необходимую восприимчивость к интеграции как в самой Турции, так и в странах-реципиентах Центральной Азии. В комплексе эти факторы свидетельствуют о том, что мягкая сила Турции обладает большим интеграционным потенциалом среди тюркоязычных стран Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Appasova, D. Potencial Organizatii Türkiskix Gosudarstv v obespechenii bezopasnosti Türkskogo mira. *Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi* 2023;12(2):716-732. doi:10.33206/mjss.1251847
2. Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции. *Вестник МГИМО-Университета*. 2019;12(4):113-129. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>
3. Телегина Е., Халова Г. Энергетическая политика Турции на современном этапе. *Энергетическая политика*. 2021;9(163):42-49. DOI 10.46920/2409-5516_2021_9163_42
4. Сунь Ч. Организация Тюркских Государств и пантюркизм: вчера, сегодня, завтра. *Образование и право*. 2023;2:357-361. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-357-361
5. Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции. *Вестник МГИМО-Университета*. 2016;(2(47)):32-39. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39>
6. Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021;14(5):162-176. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-8>
7. Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. Русский и Тюркский

⁸ Токаев предложил Тюркским странам создать совместные силы органов ЧС с центром в Алматы. URL: <https://kaztag.kz/ru/news/tokaev-predlozhit-tyurkskim-stranam-sozdat-sovmestnye-sily-organov-chs-s-tsentrrom-v-almaty> (дата обращения: 14.07.2023)

миры на пространстве Евразии. *Вестник МГИМО-Университета*. 2023;16(6):153-182.

<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182>

REFERENCES:

1. Appasova, D. Potencial Organizatii Türkskix Gosudarstv v obespechenii bezopasnosti Türk-skogo mira. *Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi*. 2023;12(2):716-732. (In Russ.) doi:10.33206/mjss.1251847
2. Avatkov V.A. Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*. 2019;12(4):113-129. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>
3. Telegina Ye., Khalova G. Modern Turkish energy diplomacy. *Energy policy*. 2021;9(163):42-49. (In Russ.) DOI 10.46920/2409-5516_2021_9163_42
4. Sun.Ch. Organization of Turkic States: yesterday, today, tomorrow. *Education and the right*. 2023;2:357-361. (In Russ.) DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-357-361
5. Mehdiyev E.T. «Neo-Ottomanism» in the Regional Policy of Turkey. *MGIMO Review of International Relations*. 2016;2(47):32-39. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39>
6. Avatkov V.A. The Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021;14(5):162-176. (In Russ.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-8>
7. Demeshko N.E., Muradov G.L., Irkhin A.A., Moskalenko O.A. Russian and Turkic Worlds in Eurasia. *MGIMO Review of International Relations*. 2023;16(6):153-182. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дина Толеген, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; dina.tolegen.18@gmail.com

Dina Tolegen, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; dina.tolegen.18@gmail.com

Потенциал развития проектов газовой генерации в Иране и Пакистане

Юлия М. Борисова¹, Тимур Ю. Киселев²

¹ Газпром энергохолдинг, Москва, Россия,

yuliya.m.borisova@gmail.com

² Газпром энергохолдинг, Санкт-Петербург, Россия,

timurksv@gmail.com

Аннотация: текущие геополитические реалии оказывают значительное влияние на перераспределение энергоресурсов на мировых рынках и требуют от российских компаний гибкости при формировании стратегий международного развития и механизмов сотрудничества с новыми партнерами. При этом особое внимание следует уделить сектору газовой электрогенерации, который позволяет обеспечить иностранных потребителей конечным продуктом, а компаниям-экспортерам природного газа — создать продукт с добавленной стоимостью и обеспечить синергию от поставок природного газа и электроэнергии. В статье рассмотрены перспективы выхода российских электрогенерирующих компаний на новые рынки. Дана краткая характеристика особенностей электроэнергетических рынков двух стран — Ирана, крупнейшей региональной энергосистемы, и Пакистана — активно растущего рынка, испытывающего энергодефицит и проблемы с обеспечением надежности энергоснабжения. При этом энергетический сектор Ирана примечателен опытом развития, в том числе создания отрасли энергетического машиностроения на базе локализованных технологий, в условиях санкционного режима. Пакистан, в свою очередь — одно из самых привлекательных направлений поставок СПГ из портфеля российских компаний, перед которыми стоит задача нарастить объем поставок иностранным потребителям до 20% мирового рынка к 2030 году.

Ключевые слова: газовая генерация, международное сотрудничество в электроэнергетике, LNG-to-power

Для цитирования: Борисова Ю.М., Киселев Т.Ю. Потенциал развития проектов газовой генерации в Иране и Пакистане. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(2):147–153. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-147-153>

Поступила 13.02.2024

Принята в печать 11.04.2024

Опубликована 30.06.2024

The Perspective of Gas-fired power plants projects in Western Asia of Iran and Pakistan

Yuliya M. Borisova¹, Timur Yu. Kiselev²

¹ Gazprom energoholding, Moscow, Russia,

yuliya.m.borisova@gmail.com

² Gazprom energoholding, Saint Petersburg, Russia,

timurksv@gmail.com

Abstract: Current geopolitical situation affects greatly on worldwide distribution of energy. These circumstances challenge Russian energy companies to be more flexible in development of foreign market expansion strategies and pro-active in establishing of cooperation mechanisms with new partners abroad. In this case gas power generation should be considered more attentively, gas-fired power plants provide the customer with end-product, while natural gas exporters create additional values to gas exports and are able to achieve synergy of core business and power supply. The article considers Russian power generation companies' potential expansion to new power markets. Brief description of two electricity markets is provided with examples of Iran, the largest regional market and Pakistan, which suffers from power deficit and non-sustainable energy supply. Iran power sector is also remarkable with its experience of development under international sanctions, including establishment of energy machinery sector based on localization of foreign technologies. Pakistan is one of the most attractive LNG markets for Russian companies, which face the challenge to increase LNG export up to 20% of world market share.

Keywords: gas-fired power plants, power generation international cooperation, LNG-to-power

For citation: Borisova Y.M., Kiselev T.Yu. The Perspective of Gas-fired power plants projects in Western Asia of Iran and Pakistan. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(2):147-153. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-147-153>

Received 13.02.2024

Revised 11.04.2024

Published 30.06.2024

ВВЕДЕНИЕ

В новых геополитических условиях сокращения числа прямых доступных рынков сбыта для российских энергоресурсов, приоритетное внимание уделяется выстраиванию партнерских отношений с «дружественными» странами, в частности государствами Передней Азии. При этом, призывы к укреплению сотрудничества в сфере электроэнергетики звучат гораздо

реже, чем в обеспечении надежных поставок нефти и нефтепродуктов, в том числе своповые операции, разработке месторождений, природного газа. В случае с Ираном и Пакистаном, потенциал двустороннего сотрудничества требует внимательной оценки для определения якорных проектов и конкретных направлений взаимодействия.

ИРАН: ОПЫТ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ.

В последние годы энергосистема Ирана является крупнейшей в регионе 90 ГВт, по данным IRENA (International Renewable Energy Agency) 83% приходится на генерацию с использованием ископаемого топлива (собственная ресурсная база), на ГЭС — 13,9%, на АЭС — 1,1%. Потребление характеризуется ярко выраженной сезонностью (летом сбыт в 1,5 раза больше, чем в течение года) и нехваткой собственных мощностей для удовлетворения спроса в пиковые периоды при базовом энергопрофиците.

В настоящее время политика Ирана в рамках развития регионального рынка и интеграции энергосистем Турции, Ирана, Азербайджана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Пакистана, Афганистана и Казахстана направлена на увеличение экспортных поставок электроэнергии (в 7 раз к 2026 г.) за исключением периода высоких нагрузок в летние месяцы. В настоящее время электроэнергию импортируют Ирак (80%), Афганистан (9%), Пакистан (6%) [2]. На этапе технико-экономического обоснования проект создания единого энергетического коридора Россия-Азербайджан-Иран, который позволил бы Ирану получать дополнительную мощность в пиковый летний период, и продавать в зимний [3]. Россия с учетом выпадения экспортных объемов в Финляндии и Прибалтике, очевидно заинтересована в создании инфраструктуры для диверсификации собственных экспортных поставок.

Спецификой организации внешне-экономических отношений с Ираном является распространенное применение бартерных схем по причине ограничений при проведении транзакций из-за санкционных ограничений. Так,

программа «газ в обмен на электричество» между Ираном и Арменией предусматривает поставки иранского газа в обмен на выработанную на мощностях Ереванских ТЭС электроэнергию в соотношении 3 кВтч: 1 м³ (на 6 млрд кВтч в год). Для увеличения пропускной способности и загрузки 5-го блока Разданской ТЭС планируется завершение строительства ВЛ Иран-Армения 400 кВ [4].

Ожидается, что продолжит расти и внутренний спрос, в первую очередь из-за потребности в энергоснабжении растущих секторов обрабатывающей и строительной промышленности, в том числе майнинга криптовалют (4,5% мировых операций приходится на рынок Ирана).

Для удовлетворения спроса и увеличения экспортного потенциала Иран планирует ввод порядка 20 ГВт новых газовых мощностей. В рамках развития альтернативной энергетики, Иранская организация по возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности (SATBA) в апреле 2022 года запустила тендер на строительство 4 ГВт солнечной генерации, с ожидаемой датой ввода в эксплуатацию в 2025 году. Отдельно отметим, что в Иране сохранены меры поддержки использования ВИЭ — market premium до 30% для объектов, реализованных с использованием локализованного оборудования и привлекающих местных подрядчиков для проектирования и строительства [5].

Особенно примечателен опыт развития электроэнергетики Ирана в рамках санкционного режима, включающего запрет на поставки энергетического оборудования, в частности газовых турбин. В Иране создан сектор энергетического машиностроения газовых турбин с использованием локализованных технологий Siemens Energy AG на базе MAPNA Group, которая осуществляет сервисное обслуживание,

поставку комплектующих, а также проектирование и строительство тепловых электростанций (крупнейший ЕРС-подрядчик в регионе), объектов с использованием ВИЭ.

MAPNA производит широкую номенклатуру паровых и газовых турбин, в том числе владеет критически важной технологией производства машин большой мощности — MGT-70 (157–185 МВт), MGT-75 (190–222 МВт) и MGT-80 (308 МВт). Кроме того, MAPNA занимается производством ВЭУ 2,5 МВт, компрессоров, бойлеров, электрических двигателей и когенерационных установок по производству электроэнергии и опреснению воды.

Российские компании электроэнергетического сектора в настоящее время не участвуют в проектах в Иране. До введения санкций в отношении РФ, санкционные риски в рамках российско-иранского сотрудничества оценивались как крайне высокие. При этом, негласное российское присутствие отмечалось, например, в секторе нефтедобычи. Кроме того, существующие тарифы на электроэнергию (17,3 долл. США/МВтч) не обеспечивают возврат инвестиций, достижение доходности проектов возможно за счет предоставления мер государственной поддержки, например, на уровне Межправительственных договоренностей двух стран, которые в условиях санкций в отношении Ирана несли для российских компании угрозу применения вторичных санкций.

В изменившихся для России геополитических условиях, потенциал развития сотрудничества в электроэнергетике имеет перспективы при соблюдении ряда условий:

- достижение договоренности о мерах государственной поддержки (плата за мощность, долгосрочное соглашение о поставках электроэнергии (Power Purchase Agreement)) с учетом преобладания собственной газовой генерации;

- достижение синергетических эффектов в случае вхождения в газодобычу и поставки природного газа в качестве топлива для электростанций;
- сотрудничество в энергетическом машиностроении, в первую очередь по профилю технологий горячего цикла газовых турбин;
- положительная оценка формирования экспортной стратегии с учетом планов по строительству энергомоста Россия — Азербайджан — Иран и сезонности пиков потребления.

ПАКИСТАН: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ.

Граничащий с Ираном Пакистан также представляет интерес для российских электроэнергетических компаний, но в первую очередь в рамках выстраивания интегрированных цепочек поставок LNG-to-power и участия в качестве ЕРС-партнеров в строительстве газовых мощностей [6].

Крупнейшая по численности страна в регионе, и вторая по размеру экономика показывает ежегодный рост электропотребления, при этом показатель на душу населения остается крайне низким — в 8,5 раз меньше в сравнении с Ираном — 644 кВтч (18% от среднемирового показателя, 7% от среднего показателя развитых стран) [7].

Энергосистема Пакистана характеризуется как энергодефицитная (нетто-импортер электроэнергии) в сочетании с недостаточным использованием генерирующих мощностей по принципу «take-or-pay» при высокой стоимости электроэнергии (133 долл. США/МВтч). Основным топливом для производства электроэнергии на тепловых электростанциях в Пакистане (57,34%) остается природный газ, средний КИУМ газовой генерации — 80%.

Однако энергосистема испытывает ряд технологических трудностей, в частности

при передаче, распределении и снабжении потребителей электроэнергией. Кроме того, последствия резкой девальвации пакистанской рупии по отношению к доллару США привели к скачку цен на энергоресурсы, в первую очередь СПГ, и дефициту импортного СПГ-топлива в течение большей части 2022 г.

Альтернативные маршруты поставок отсутствуют. Проекты магистральных газопроводов ТАРІ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия) и ІР (Иран-Пакистан) в силу политических, финансовых и технологических причин в настоящее время не реализованы [8]. По официальным данным начало поставок запланировано на 2024 и 2026 гг. соответственно, однако, существует риск дальнейшего смещения сроков. Так, построен иранский участок газопровода ІР от месторождения Южный Парс до ирано-пакистанской границы, при этом пакистанская сторона находится на этапе завершения технико-экономического обоснования и проведения предпроектных работ.

Газовым балансом Пакистана на период до 2035 г. предусмотрено увеличение потребления газа, при этом прогнозируется снижение на 17,6% потребления на нужды электроснабжения, что объясняется политикой на снижение уровня негативного воздействия на окружающую среду от производства электроэнергии с использованием ископаемого топлива и доведение доли возобновляемых источников энергии в энергосистеме до 30% к 2030 г.

Вместе с тем, независимые прогнозы в умеренном сценарии показывают двукратный рост спроса для нужд газоснабжения электростанций. При этом доля СПГ неизменно растет.

Несмотря на волатильность цен на СПГ, повышение надежности поставок возможно только за счет повышения качества

управления цепочками поставок, включая развитие инфраструктуры транспортировки и распределения, хранилищ. В Пакистане действуют два регазификационных терминала в порту Касим, Карачи. В проектной стадии еще два проекта СПГ-терминалов в порту Карачи и г. Гвадар и проект МГП «Пакистанский поток» (в соответствии с условиями МПС между Россией и Пакистаном) для транспортировки газа с побережья в Карачи на север страны к г. Лахор и строительства газовой электростанции.

Очевидно, что стратегия LNG-to-power, включая в том числе приобретение и модернизацию существующих активов является оптимальной. Так, Правительство Пакистана активно ищет иностранного покупателя на две газовых электростанций установленной мощностью 2,5 ГВт. Проблема стоит остро: для целей ускоренного согласования сделки и прохождения всех предусмотренных законодательством процедур, были внесены изменения в НПА — Постановление о приватизации. Предполагалось, что в проект войдут катарские инвесторы, которые обеспечат поставки СПГ для топливообеспечения станций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, ключевыми проблемами для вхождения на рынок Пакистана остаются, во-первых, сложность достижения баланса коммерческих интересов поставщика СПГ и рентабельности производства электроэнергии, где стоимость топлива — порядка 80% себестоимости. Во-вторых, необходимость реализации комплексных интегрированных проектов с использованием российских и «дружественных» поставщиков технических решений, включая собственную регазификационную инфраструктуру. В-третьих, также требуется учитывать

опыт российско-пакистанского сотрудничества в энергетической сфере, в частности длительный процесс реформирования условий вхождения сторон в проект «Пакистанский поток». Также в случае модернизации или строительства новых блоков, возможно участие российских инженеринговых компаний в качестве ЕРС-подрядчика как на тендерной основе, так и в рамках межправительственных договоренностей, в случае их достижения.

Расширение направлений международного сотрудничества на «дружественных» рынках — насущная задача

энергетического сектора, осложненная структурированием сделок с российским участием, ограничениям по поставкам оборудования и схемам привлечения проектного финансирования. Вместе с тем, очевидно, что рынки Ирана и Пакистана имеют потенциал для вхождения, однако с учетом обозначенных факторов, российские компании будут действовать в конкурентной среде, где потенциальные партнеры будут твердо отстаивать свои интересы и обоснованно рассчитывать на возможность достижения максимально комфортных условий взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Mirzaev R. Project on Establishment of ECO Regional Electricity Market (ECO-REM). www.unescap.org URL: <https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/Project%20on%20Establishment%20of%20ECO%20Regional%20Electricity%20Market%20by%20Rovshan%20Mirzayev%20Minerals%20and%20Environment%20Economic%20Cooperation%20Organization.pdf> (дата обращения: 15.08.2023)
2. Будет создан энергетический коридор «Север-Юг». URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2019/5787860.htm> (дата обращения: 15.08.2023)
3. Экспорт и импорт газа Ирана. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/3/1037/ (дата обращения: 19.08.2023)
4. Hafezi R., Heirani H., Akbari M., Mortezaee A., Bagherimoghaddam N., Heydari H., Souhankar A. Iran's approach to energy policy towards 2040: a participatory scenario method. *Foresight*. 03.03.2023
5. Naem Saalik M.A. Pakistan's LNG Crisis: An Escalation Of Power Crisis. <https://issi.org.pk> URL: https://issi.org.pk/wp-content/uploads/2022/06/IB_Salik_Jun_28_2022.pdf (дата обращения: 18.08.2023)
6. Pakistan's Per Capita Annual Electricity Consumption Among Lowest in the World. Propakistani.pk URL: <https://propakistani.pk/2022/10/03/pakistans-per-capita-annual-electricity-consumption-is-among-the-lowest-in-the-world/> (дата обращения: 18.08.2023)
7. Сазонова Е.И. Риски и перспективы строительства газопровода ТАП. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2022/29042022/1-10-SAZONOVA-EI.pdf> (дата обращения: 22.09.2023)
8. Россия и Пакистан подписали Межправительственное Соглашение о строительстве газопровода «Север — Юг». URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2022/29042022/1-10-SAZONOVA-EI.pdf> (дата обращения 22.09.2023)

REFERENCES:

1. Mirzaev R. Project on Establishment of ECO Regional Electricity Market (ECO-REM). www.unescap.org URL: <https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/Project%20on%20Establishment%20of%20ECO%20Regional%20Electricity%20Market%20by%20Rovshan%20Mirzayev%20Minerals%20and%20Environment%20Economic%20Cooperation%20Organization.pdf>

- [Rovshan%20Mirzayev%20Minerals%20and%20Environment%20Economic%20Cooperation%20Organization.pdf](#) [Accessed: 15.08.2023]
2. Energy Corridor North-South Will Be Established. URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2019/5787860.htm> [Accessed: 15.08.2023] (In Russ.)
 3. Iran's Gas Import and Export Statistics // CDU TEK cdu.ru URL: <https://www.cdu.ru/tek-russia/articles/3/1037/> [Accessed: 19.08.2023] (In Russ.)
 4. Hafezi R., Heirani H., Akbari M., Mortezaee A., Bagherimoghaddam N., Heydari H., Souhankar A. Iran's approach to energy policy towards 2040: a participatory scenario method. *Foresight*. 03.03.2023
 5. Naem Saalik M.A. Pakistan's LNG Crisis: An Escalation Of Power Crisis // <https://issi.org.pk> URL: https://issi.org.pk/wp-content/uploads/2022/06/IB_Salik_Jun_28_2022.pdf [Accessed: 18.08.2023] (In Eng.)
 6. Pakistan's Per Capita Annual Electricity Consumption Among Lowest in the World // Propakistani.pk URL: <https://propakistani.pk/2022/10/03/pakistans-per-capita-annual-electricity-consumption-is-among-the-lowest-in-the-world/> [Accessed: 18.08.2023]
 7. Sazonova E., The Risks and Perspectives of TAP Gas Pipeline Construction. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2022/29042022/1-10-SAZONOVA-EI.pdf> [Accessed: 22.09.2023] (In Russ.)
 8. Russia and Pakistan Sign Intergovernmental Agreement on North-South Gas Pipeline Construction. — URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2022/29042022/1-10-SAZONOVA-EI.pdf> [Accessed: 22.09.2023] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юлия М. Борисова, Газпром энергохолдинг, Москва, Россия; 119526, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 101 к.3;

yuliya.m.borisova@gmail.com

Тимур Ю. Киселев, Газпром энергохолдинг, Санкт-Петербург, Россия; 199106, Шкиперский проток дом 12, корпус 2, строение 1;

timurksv@gmail.com

Yuliya M. Borisova, Gazprom energoholding, Moscow, Russia; 101, b. 1, pr. Vernadskogo, Moscow, 119526, Russia;

yuliya.m.borisova@gmail.com

Timur Yu. Kiselev, Gazprom energoholding, Saint Petersburg, Russia; 12, b. 2, Shkiperskiy protok, Saint-Petersburg, 199106, Russia;

timurksv@gmail.com

Роль русофобии в поддержании политической идентичности украинского государства

Арсентий В. Глебездин

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

senagleb@gmail.com

Аннотация: целью настоящей статьи является выяснение роли русофобии в структуре украинской политической идентичности. Рассмотрены генезис и трансформации русофобских нормативно-ценностных установок в географических пределах современной Украины. Проанализированы основные способы проявления русофобии в социально-политических практиках. Выявлена стержневая роль русофобии, без которой нежизнеспособна вся конструкция национально-государственной идентичности Украинского государства. Делается вывод о необходимости системных усилий российской политической науки по выработке целостного проекта политической реинтеграции Украины в состав России и «Русского мира».

Ключевые слова: русофобия, политическая идентичность, Украина, терроризм, общественное сознание

Для цитирования: Глебездин А.В. Роль русофобии в поддержании политической идентичности украинского государства. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(2):154–167. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-154-167>

Поступила 01.03.2024

Принята в печать 27.03.2024

Опубликована 30.06.2024

The Role of Russophobia in Maintaining a Political Identity the Ukrainian State

Arsenti V. Glebezdin

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

senagleb@gmail.com

Abstract: the purpose of this article is to clarify the role of Russophobia in the structure of Ukrainian political identity. The genesis and transformations of Russophobic normative-value attitudes within the geographical boundaries of modern Ukraine are considered. The main ways of manifestation of Russophobia in socio-political practices are analyzed. The pivotal role

of Russophobia has been revealed, without which the entire structure of the national and state identity of the Ukrainian state is not viable. The conclusion is made about the need for systematic efforts of Russian political science to develop a holistic project for the political reintegration of Ukraine into Russia and the “Russian World”.

Keywords: Russophobia, political identity, Ukraine, terrorism, public consciousness

For citation: Glebezdin A.V. The Role of Russophobia in Maintaining a Political Identity the Ukrainian State. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(2):154–167. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-154-167>

Received 01.03.2024

Revised 27.03.2024

Published 30.06.2024

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика настоящей статьи находится в точке сопряжения двух базовых понятий, вынесенных в название: «руссофобия» и «политическая идентичность». Оба термина являются феноменами человеческого сознания (как индивидуального, так и коллективного), что предопределяет активное использование междисциплинарного подхода наряду со специальным эпистемологическим инструментарием политической науки в рамках настоящей статьи.

В частности, понятие «руссофобии», некогда конституированное И.Р. Шафаревичем, рассматривалось в качестве культурно-исторического явления устойчиво-воспроизводимого характера в сознании определённых социальных групп в ареале самой Российской цивилизации [1]. Позднее ненависть к России на основе страха была констатирована в качестве стандартной категории ментальности творческой и политической элиты Запада как минимум с эпохи Просвещения или даже ранее [2, с. 116–129]. В качестве аксиологической установки руссофобия стала основанием для актуальных политических стратегий XX–XXI вв.

Таким образом, рассматривая руссофобию как объективную реальность в контексте политической идеологии и практической политики, можно выделить такие её типы/модусы, как внутреннюю и внешнюю. При определённых условиях два указанных типа могут контактировать между собой как в сфере развития идей, так и в пространстве реальной политики. Руссофобия в контексте украинской политической идентичности представляет собой именно такой, смешанный тип политического сознания и маркера самой политической идентичности.

Второй базовый термин — «политическая идентичность», будучи разновидностью идентичности социальной и генетически связана с понятием «идентичности» как таковой, предполагает отождествление себя субъектом с трансперсональными политическими позициями и ценностями. Когда речь идёт о политической идентичности в масштабах государства, она фактически совпадает понятием «национально-государственной идентичности». Данные маркеры являются синонимами и вполне взаимозаменяемы в рамках нашего дискурса.

Таким образом, в статье предпринята попытка функционального синтеза двух самостоятельных понятий с элементами символического интеракционизма [3]. Поскольку отвлечённые смысловые категории усваиваются массовой аудиторией через создаваемые духовно-культурные образы, официальные документы и наполненные идейно-мифологическим смыслом артефакты. Которые, в свою очередь, приобретают символическое значение и служат мотиваторами для действий как политических элит, так и широких социальных слоёв.

Как показывают современные исследования идентичность любого уровня формируется и развивается в когнитивном пространстве символического хронотопа. Под ним «можно понимать гипотетическое, виртуальное, выдуманное, фантастическое время и пространство» [4]. Воображение, мифологичность при этом не есть синонимы лжи, но, скорее, обозначают идеальные структуры. При этом, требование поддержания их связи с реальностью сохраняется. Тотальный релятивизм, жонглирование явлениями семиосферы и приоритет знака над обозначаемым категорически неприемлемы [5, с. 32–40].

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Междисциплинарный подход предполагает достаточно широкий круг привлекаемой к исследованию литературы, которая может быть разделена на несколько групп. В первую следует отнести работы методологического характера, определяющие исследовательские принципы и понятийные границы в предметном поле настоящей статьи. Сюда относятся упомянутые выше издания о соотношении идентичности и символического хронотопа авторства Емелина В.А. и Тхостова А.Ш.; коллективную монографию, посвящённую

критике релятивистских гносеологических установок в современной науке, содержательную статью Ю.В. Ирхина, посвящённую методологии политического анализа [6, с. 71–80].

Вторую группу составляют работы, касающиеся русофобии как феномена политического сознания в прошлом и настоящем. Названные выше и ставшие классическими тексты И.Р. Шафаревича (внутриполитический ретроспективный аспект), Ф.Ф. Нестерова (внешнеполитический ретроспективный аспект), также более современные научные тексты. К последним относятся, в частности, статьи А.Н. Ильина, рассматривающие русофобию как актуальную реальность политической ментальности западных стран [7;8]; значительный интерес и прямое отношение к тематике данной статьи имеет публикация С.Г. Сизова о русофобии как значимом феномене политического мышления во взаимоотношениях России и Украины [9, с. 254–257]. Не менее значима статья А.И. Гуляева об истоках украинской русофобии, в которой не без успеха объединены ретроспективный и актуальный подходы [10]. Важнейшие обобщающие выводы, которые можно сделать применительно к работам второй группы, следующие: во-первых, русофобия является константой политического мышления и вытекающей из него политической практики целого ряда акторов политики; во-вторых, современная русофобия на Украине имеет длительные исторические корни; в-третьих, украинская разновидность русофобии является значимой частью украинского национализма и играет важную роль в обосновании политического бытия Украинского государства. Кроме того, можно высказать гипотезу о сближении западной и украинской русофобии как на мировоззренческом, так

и на прикладном уровне, их взаимной поддержке в противостоянии России и попытках её политической дезинтеграции.

К третьей группе следует отнести работы авторов, освещающие проблематику развития украинской политической идеи и самостоятельного политического бытия «украинской нации». Данная группа является очень обширной и к целям настоящей статьи привлекаются только некоторые её образцы. Ещё в 1998 году издательством журнала «Москва» в серии «Пути русского имперского сознания» опубликован сборник оригинальных текстов русских историков и филологов «Украинский сепаратизм в России». Основным лейтмотивом данного сборника становится развенчание притязаний украинских националистов на историческую, политическую, культурную и языковую субъектность с последовательным рассмотрением и опровержением основных мифологем [11]. Впоследствии под редакцией М.Б. Смолина публикуется целая серия книг аналогичной тематики: «Украинская болезнь русской нации» (антология работ) [12], «Русская Галиция и мазепинство» [13] (антология работ), «История украинского сепаратизма» С. Щеголева [14]. Одной из последних значимых работ является книга об украинском нацизме в историческом и актуальном ракурсах известного историка и политолога В.Э. Багдасаряна [15]. Современная политическая идентичность Украины представлена как опирающуюся на историческую традицию русофобии, западнического сервилизма и обречённую на нацистскую аксиологию.

В четвёртую группу входят научные тексты, посвящённые проблематике исторической памяти и её роли в формировании украинской национально-государственной идентичности. Политика формирования исторической памяти

постсоветской Украины как важнейшего основания украинской политической идентичности и, в то же время, способа её репрезентации, детально рассмотрена в книге Г. Касьянова «Украина и соседи» [16]. Значительный интерес представляет собой коллективная монография, посвящённая мемориальному образу СССР на постсоветском пространстве [17]. Об особенностях эксплуатации советского прошлого в политических целях, в том числе на Украине после 1991 года, говорится в статье А.Э. Ларионова [18].

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУСОФОБСКОГО КОМПОНЕНТА В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Обращаясь непосредственно к предмету настоящей статьи, необходимо, в первую очередь, констатировать генетическую взаимосвязь между русофобскими нормативно-ценностными установками и становлением украинского этнополитического национализма, легшего в основу политической идентичности Украины как самостоятельной политии. Политическая идентичность Украины представляет собой динамический феномен, зародившийся и развившийся до своего нынешнего состояния в течение нескольких веков.

Начальной точкой отсчёта следует полагать момент Брестской церковной унии 1596 года, когда 4 западнорусских православных иерарха подписали документ о признании главенства Римского Папы и католической догматики в пределах Речи Посполитой при сохранении внешней православной обрядности и церковно-славянского языка в богослужении. В дальнейшем не «чистые» католики, а именно униаты (фактически — вероотступники) стали ударным отрядом жестоких гонений на тех своих соплеменников, которые

пожелали сохранить верность догматам Православия. Ввиду того, что западнорусское православное население польско-литовского подданства видело в качестве защитников Московских великих князей и царей, в униатской среде возникает и укрепляется активное отторжение всего того, что так или иначе было связано с Россией и русской этничностью. Таким образом, в основе русофобии как этнополитического явления и мировоззренческого феномена лежало отторжение Православия, которое впоследствии переросло в ненависть к русскому языку, культуре и России. Одновременно, именно религиозную составляющую следует полагать в качестве начала формирования украинской политической идентичности. Отличие западно-русского этнокультурного ареала от России по церковно-политическому признаку после 1596 года намного предвосхитило какие бы то ни было идеи строительства «незалежного Украинского государства». Важен факт в символическом ракурсе: это укоренение матрицы несвязанного с Россией, с русской этничностью и духовностью бытия, постепенно перешедшего в антагонизм. Если обратиться к событиям текущих политических процессов на Украине, то видно, что данная мировоззренческая установка в полной мере сохраняется не только как абстрактная (наподобие этнических анекдотов в обыденном сознании, когда анекдоты, рассказываемые в неформальной обстановке о представителях того или иного этноса вовсе не означают реальной ненависти к ним), но и как руководство к действию.

Следующий этап развернулся во 2-й половине XVII — начале XVIII вв. В этот период казачья старшина Запорожской сечи осознаёт себя в качестве самостоятельной военно-политической силы

и пытается реализовать планы создания независимого казачьего государства в пределах Восточной (Левобережной) и Центральной Украины, которое бы выполняло буферную роль между Россией и Речью Посполитой, либо опиралось на Швецию в качестве гаранта политического суверенитета. На данном этапе, речь не шла об этнокультурном отделении от России. Скорее, о политических амбициях малороссийской казачьей элиты. Необходимым условием реализации этих амбиций, также как и в случае с Брестской унией, было отталкивание от России, которая рассматривалась в качестве помехи для обретения независимости. Ни о каком распространении идей политического суверенитета на широкие слои населения речи не шло. Равно как сам термин «Украина» не носил национально-государственного смысла, означая только лишь «земли у края» и употреблялся в дипломатической документации России и Речи Посполитой. Высшей точкой данного этапа стало т.н. «мазепинство», связанное с именем гетмана Ивана Мазепы, в период Северной войны открыто перешедшего на сторону Швеции. Однако, что показательно, за гетманом пошла лишь малая часть как казацкой старшины, так и низового казачества. Большая же их часть осталась верна России. При этом, мазепинство как политическое явление и как идея политического суверенитета строилось на двух концептуальных моментах: отталкивание от России и расширение прав и привилегий элиты казачества по образцу польских магнатов при вассальном подчинении Шведской короне и сохранении при этом определённой самостоятельности и внутренней автономии. Вероятно, расчёт Мазепы и его сторонников был на то, что Швеция даже в случае своей полной победы над Россией

окажется не в состоянии плотно контролировать столь удалённую территорию. Следовательно, в феномене мазепинства виден своеобразный оксюморон — «вассальный суверенитет» в синтезе с антирусским политическим вектором и расширении прав и привилегий элиты. внутреннего сущностно-содержательного наполнения у зачаточного проекта «шведской Украины» попросту не было.

Третий этап становления идеи украинской политической идентичности приходится на XIX — начало XX века. В промежутке от Венского конгресса до окончания Первой Мировой войны (1815–1918 гг.) осуществляется кристаллизация идей украинского национализма, независимого Украинского государства, концептуальных положений украинской этнополитической идентичности, включая конструирование языка и национального исторического нарратива. При этом, важнейшим фактором развития указанных процессов является воздействие экзогенных субъектов — в данном случае, австро-венгерских и германских спецслужб, видевших в «Украинской идее» мощное средство ослабления главного геополитического соперника в Европе — Российской империи. Без финансовой и организационной помощи австро-германских разведывательных структур украинский национализм едва ли сумел бы обрести свою плоть и кровь, став действенной силой этнополитических процессов в Восточной Европе. Конечно, у идеи украинской национально-государственной идентичности были и вполне искренние адепты, которые действительно верили в то, что писали и говорили. Сама идея «украинского народа» как субъекта истории, политики и культуры в течение XIX — начала XX веков прошла путь от концепта «культурной автономии» в недрах Кирилло-Мефодиевского

общества до масштабной концепции «Украины-Руси» в исторических трудах М.С. Грушевского. При этом, противопоставление вольной Украины дикой «Московии» является неотъемлемой частью практически всех научных, публицистических и художественных текстов, составивших позднее каноническую основу украинского национализма. Достаточно привести пример из стихов Тараса Шевченко:

Кохайтеся, чорнобріві,
Та не з москалями,
Бо москалі — чужі люде,
Роблять лихо з вами [19].

Следующими этапами стали межвоенный период (1918–1939 гг.) и Вторая Мировая война. Формируется и становится активной военно-политической силой Организация украинских националистов (ОУН) и подчинённая ей Украинская повстанческая армия (УПА) [организации запрещены в России]. Будучи тесно связаны со спецслужбами Третьего рейха, эти террористические структуры своё основное предназначение видели в борьбе всеми доступными средствами с «жидовско-москальским игмом». То есть были направлены конкретно в сторону СССР и собственно — России. Лейтмотив русофобии как краеугольного камня украинской политической идентичности приобретает доминирующее над всем прочим значение.

В качестве доказательства можно привести цитаты из аутентичного документа периода нацистской оккупации Украины — один из типичных протоколов собрания, на котором выражалась лояльность оккупационным властям и формулировались базовые принципы «незалежной Украины»: «...Делегаты съезда в своих выступлениях выносят искреннюю сердечную благодарность немецкому

правительству за освобождение украинского народа из-под ига красной Москвы..., а также приветствуют провод украинских националистов... который борется за свободное независимое украинское государство... История борьбы за независимость украинского народа написана кровью лучших сынов Украины. В древности перед великим Украинским государством, которым руководил Владимир Великий, князь-завоеватель, дрожала азиатская Россия, татарва, ляхи и другие народы...» [20].

Такого рода текстов в отмеченном хронологическом промежутке родилось во множестве. Обращает на себя внимание именно «антимоскальская» их заострённость, которая часто отчётливо доминирует в плане объёма над созидательным содержанием. Получается, что обоснование политико-исторического бытия только намечаемого «Украинского государства» осуществляется, преимущественно и в первую очередь, именно через концепт антагонистического противоборства с «азиатской Россией».

Послевоенный период развития украинской русофобии тесно связан с «Холодной войной» и противостоянием СССР и США в 1946–1991 гг. [21]. Мотив борьбы с Москвой и «русским игом» по-прежнему оставался значимым и приобретал откровенно террористические формы — вплоть до возведённого в ранг основной практики массового уничтожения советских солдат и активистов, а также тех семей из числа украинского населения, которые отказывались поддержать украинских националистов. При этом практиковались показательные изуверские расправы. Фаза открытой борьбы и террора продолжалась до середины 1950-х годов. Обоснованием террора служили именно обвинения в поддержке Москвы. Таким образом, матрица

жестоких физических расправ с теми, кто рассматривал будущее Украины в союзе с Россией оказывается прочно вписана как в практику, так и в теорию послевоенного украинского национализма, а, следовательно, в подпольную политическую идентичность проектируемого украинскими националистами Украинского государства.

После 1991 года начался новый этап развития мировоззренческой модели политической идентичности Украины и, вместе с ней, русофобии как её неотъемлемого компонента. Практически впервые за всю историю развития украинского национализма суверенное Украинское государство без каких-либо насильственных действий стало реальным и полноценным субъектом политики. Если рассуждать со строго формальной точки зрения, то Россия не только никак не препятствовала, но даже помогла обретению государственной независимости Украиной, политическая идентичность которой из разряда подпольной мечты перешла в стадию легальной и легитимной политической действительности. Тем самым *de facto* устранялся повод для русофобии и упреков России в антиукраинской позиции. Однако в реальности наблюдался парадоксальный процесс усиления русофобских настроений в рядах украинской политической и культурной элиты, в сфере школьного образования, языковой политики, исторической политики и политики памяти. Вектор внешней политики Украинского государства после 1991 года также имел ярко выраженный антироссийский/русофобский вектор. У новейшей украинской русофобии было два пика: период президентства Виктора Ющенко в 2005–2010 гг. и от начала «Второго майдана» в 2013 году по настоящее время (2024 г.). Следовательно, половина всего периода существования

современного Украинского государства прошла под знаком усиливающейся русофобии, которая охватила к настоящему моменту практически все сферы жизни государства и общества на Украине, превратившись в маркер политической лояльности и патриотизма на большей части украинской территории. При этом формы проявления русофобии приобрели необычайно многообразный характер.

Таким образом, русофобия оказывается неотделима от становления и развития украинского национализма и проецируемого им проекта украинской политической идентичности. Более того, собственно русофобия в пределах Юго-Западной Руси, которая впоследствии стала рассматриваться как «Украина», зародилась значительно раньше собственно украинского национализма и его политического проектирования. Вначале русофобия носила религиозный, антиправославный характер, затем — сепаратистски-политический, коллаборационистский, но не этнический или культурный. То есть в течение первых двух веков не было и быть не могло противопоставления сущностного «украинского» этнокультурного ядра русскому. Но было только политическое отталкивание амбициозной казацкой элиты от России (без употребления маркера «Украины») и инспирированное католичеством униатское отторжения Православия. Только с середины XIX столетия начинается кристаллизация более целостного русофобского мифа в неразрывной связи с конструированием украинской этнополитической идентичности. Потребовалось ещё более столетия, чтобы на этой основе окончательно оформилась украинская политическая идентичность с имманентно «вшитой» в неё русофобской матрицей. Именно русофобия в различных своих проявлениях (религиозная, политическая,

языковая, культурная, научно-историческая) является важнейшим источником политической концепции «Украина» и её национально-государственной идентичности. В предельно краткой формулировке: не русофобия вытекает из украинской политической идентичности, а украинская политическая идентичность вытекает из русофобии.

РУСОФОБСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КАК ЧАСТЬ ПРОЕКТА «УКРАИНА»

Известное высказывание В.И. Ленина «идеи становятся силой, когда овладевают массами» [22], является аксиомой политической идеологии в силу своего универсального и очевидного характера. Развивая это утверждение, можно прийти к выводу о том, что любая политическая идея, овладевшая массами, неизбежно воплощается в политической практике и оказывает непосредственное влияние на социальные отношения, вплоть до повседневного поведения людей. Следовательно, русофобия как структурообразующий компонент всей конструкции украинской политической идентичности должна неизбежно иметь предметные проявления в реальных общественных отношениях, в социальных практиках и коммуникациях — как официального, так и частного характера.

Интересен новейший исторический период — с 1992 года по настоящее время. В первую очередь, необходимо обратить внимание к культурной жизни и конкретно — к кинематографу, который объективно является мощным средством политической пропаганды и формирования общественного сознания. По мнению одного из современных авторов о роли русофобии в украинском политическом сознании: «Именно русофобия (и ничто иное, к сожалению) лежит в основе

национального самосознания украинского народа. Именно на русофобии строится политика «национального украинского государства». Украинец не может быть украинцем, не будучи русофобом в большей или меньшей степени — часто в латентной форме» [23]. В качестве примеров целенаправленной трансляции в сознании русофобского аксиологического комплекса приводятся два разнесённых по времени художественных фильма: «Молитва о гетмане Мазепе» (2022 год) и «Поводырь» (2014 год). В первом из названных фильмов украинским режиссёром предпринята попытка «переосмысления» образа Петра I и его антагониста согласно сюжету — гетмана Ивана Мазепы. Образ Петра представлен в отталкивающих тонах — как садиста и извращенца. Соответственно, гетман Мазепа предстаёт в качестве героя национально-освободительной борьбы Украины против имперских планов «Московии», угрожающей не только Украине, но и Европе. Создаётся исторический миф агрессивной России с правителем-носителем психосексуальных патологий.

Второй фильм посвящён эпохе индустриализации и коллективизации на Украине. Место действия — Советский Союз, Украина, тридцатые годы. Главный положительный герой «Поводыря» — американец Майкл Шемрок, который помогает модернизации сельхозтехники украинского колхоза. Антагонист Майкла — русский чекист Владимир, который никому не помогает, всех терроризирует, фашиствует и ревнует красивую украинку к американцу. Осиротевший американский мальчик Питер (у Шемрока есть сын) сбегает из дому и встречает слепого кобзаря, который также скрывается от преследования «кровавого режима». Оставшуюся половину фильма маленький американец

ведёт слепого украинца через поля [23]. Образно-символический ряд данного фильма вполне очевиден: Россия стремится насилем закабалить Украину, тогда как Америка способна вывести её к свету цивилизации вопреки всем враждебным проискам. Россия, русские и русский язык представлены в качестве экзистенциальных врагов вольной, свободолубивой и изобильной Украины.

Другой немаловажный модус проявления русофобских установок — религиозные отношения и религиозная политика на современной Украине. Здесь мы можем видеть, как возобновляются матрицы четырёхсотлетней давности, когда Православие подвергалось гонениям со стороны униатов. С рубежа 1980–1990-х годов происходит постоянная череда захватов униатами православных храмов, демонстративных актов издевательства, насилий и глумления над канонической УПЦ и прихожанами храмов, которые сохраняют каноническую связь и подчинение Московскому Патриарху. Уже 29 октября 1989 года была проведена пробная демонстрационная акция во Львове: униатами при попустительстве правоохранительных и государственных органов был захвачен Преображенский собор. В последующем активистами раскольнического «Киевского патриархата» осуществляют регулярные захваты храмов в разных областях, нападения на монастыри и другие провокации. «23 июля 2000 года, в день памяти прп. Антония Печерского группа из 200 украинских националистов, возглавляемая депутатом Верховной рады Олегом Соскиным, попыталась ворваться в Киево-Печерскую лавру. От прихожан УПЦ они требовали «не осквернять украинскую землю своим присутствием» и «убираться в свою Москву»» [24]. Чрезвычайно характерны три момента:

антирусский характер такого рода акций. Проблематика религиозной истины и каноничности фактически оказывается подчинена националистической повестке. Далее, различные религиозные структуры (униаты, секты, неканонические раскольничьи «церкви») оказываются едины в своей ненависти к России и Московской Патриархии; наконец, при очевидно противоправном, часто откровенно криминальном характере всех подобных акций никто из их организаторов и участников никогда не понёс никакой ответственности. То есть государство поступает законом ради националистов и возводит церковную русофобию в ранг легитимной политической практики. На протяжении всего постсоветского периода нападки на Православие как «агента Москвы» могли ослабевать или усиливаться в зависимости от текущего момента, но не прекращались и не осуждались никогда официально никем из руководителей государства и государственных органов власти. В лучшем случае, высшие должностные лица пытались соблюсти баланс и усидеть на двух стульях, поочерёдно делая реверансы то церковным националистам-русофобам, то канонической УПЦ и Московской Патриархии.

В так называемый «постмайданный период», с 2014 г. и до настоящего времени включительно, религиозная русофобия окончательно приобрела не просто легитимный, но государственный статус в качестве обязательной практики и демонстрации лояльности, распространившись на массовый уровень и получив поддержку СБУ. «В октябре — декабре 2022 года СБУ провела массовые обыски в монастырях, храмах и административных зданиях епархий УПЦ по всей Украине. В качестве мотивировки своих действий представители спецслужбы заявляли о причастности

служителей церкви «к распространению идей, посягающих на территориальную целостность Украины и разжигание религиозной розни». В частности, 22 ноября сотрудники СБУ провели обыски в Киево-Печерской лавре, назвав их «контрразведывательными мероприятиями», призванными не допустить «использования монастыря как ячейки русского мира»» [24].

На примере изменения конфессиональной ситуации на Украине можно увидеть, что сама русофобия является динамичной мировоззренческой константой, изменяя свой социально-политический статус, распространение в обществе, содержательно-смысловое наполнение и, в свою очередь, не только превращаясь в инструмент построения и демонстрации украинской политической идентичности, но и меняя социум, всю политическую реальность: то есть превращаясь в актора политических трансформаций современной Украины.

Ещё одним вектором проявления русофобии как компонента украинской политической идентичности является непосредственное участие многих активистов украинского национализма в антироссийских действиях вплоть до вооружённо-силовых и террористических акций. Как неопровержимо установлено российскими органами правопорядка и государственной безопасности, украинские националисты принимали непосредственное участие в действиях антироссийских вооружённых бандформирований в период вооружённых конфликтов на территории Чеченской республики в 1994–1996 и 1999–2004 гг. Об этом имеются признания как самих украинских националистов, так и российских военнослужащих, сталкивавшихся с ними в ходе боевых действий. При этом указывается, что «свидомые украинцы» в бандформированиях

отличались большей жестокостью к российским солдатам-пленным, нежели местные «защитники ислама» [25].

Будучи интерпретирован в символическом ключе, данный факт показывает: сложился крайне странный мезальянс радикальных исламистов и поборников «национальной и расовой чистоты» украинского народа. Две совершенно разных идейно-политические силы, которые, казалось бы, не могли сотрудничать между собой в принципе, сошлись на почве чистой и беспримесной ненависти к России и русскому народу. Если говорить о персонализированном выражении украинской политической идентичности, то получается, что для носителей данного концепта национально-государственная идентичность страны отождествляется с возможностью безнаказанно убивать носителей русской идентичности. Такая патологическая самопрезентация политической идеи получается подтверждение в последующих политических акциях и отношении к ним знаковых фигур украинского политического пространства.

Широкий резонанс получила трагедия Дома профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 года, когда в результате действий украинских националистов в пожаре погибло более 40 человек. Характерна реакция одного из наиболее одиозных деятелей «постмайданной Украины», являющегося, в определенном смысле, символом новейшей украинской государственности — Александра Турчинова [заочно находится под следствием СК РФ], кощунственно заявлявшего после трагедии, что он любит «русских по-одесски и люля из русского младенца». Столь эпатажные заявления означают, что в сознании политической элиты Украины произошло «расчеловечивание» образа русских, низводимых на уровне публичной коммуникации до уровня

животных, в отношении которых снимаются табу на убийство, поскольку они низведены на уровень животных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цикл развития русофобии в контексте формирования украинской политической идентичности можно считать завершённым: он начался с предательства и дискриминации исконной религии, продолжился через политическое предательство, затем последовала апология ненависти к русскости как маркер идентичности, легитимация насилия и террора в отношении русских и России как якобы главных поводов для историко-политической самореализации Украины и, наконец, отрицание человечности русских, служащее оправданием любого изуверства и отмены нравственных ограничений. Таким образом, этнополитическая идентичность Украины в своём максимальном выражении сводится к идеологии расчеловечивания и уничтожения русских. Это и есть основа самоидентичности Украины как политического проекта, заменяющая ей позитивно-созидательную грань идентичности. Если представить себе гипотетическую ситуацию отсутствия России как историко-культурно-политического феномена, то украинская идентичность неминуемо подвергнется быстрой эрозии и перестанет существовать, лишившись своей единственной точки опоры, в ненависти к которой (русофобии) она черпает ресурсы и энергию для собственного бытия.

Однако, и в текущей политической реальности перспективы существования украинской политической идентичности представляются туманными именно в силу отсутствия у неё позитивного содержания. Военные действия против России и при поддержке западных стран способны продлить её псевдо-существование,

в качестве платы взимая тысячи жизни населения «Украинского государства». Спровоцированный киевским режимом масштабный военный конфликт является кульминационной точкой выдуманной политической идентичности и, в то же время, началом её конца.

За прошедшие с момента Брестской унии столетия выработалась традиция отторжения от русскости, сформировался слой людей, впитавших наследственную русофобию как главный мотив своей социальной деятельности. Выработался стереотип терроризма и насилия в отношении тех, кто отказывается от признания фейковой патологической идентичности на основе русофобии. Создан корпус псевдонаучных трудов в области истории, педагогики [10], культурологии, филологии, этнографии, социологии и политологии, призванных фундаментализировать национально-государственную идентичность Украины [17; 20; 21].

Но, какую бы её грань ни брать — всюду обнаруживается первенствующее доминирование отрицательной составляющей при явном дефиците или отсутствии положительного сущностного содержания. Соответственно, задача российской политической науки заключается в том, чтобы предложить такой интегрированный и реалистичный проект русской политической идентичности, которая с течением времени смогла бы дезавуировать русофобскую политическую идентичность Украины и ликвидировать её последствия в общественном сознании постепенно освобождаемых территорий. В идеале, усилиями российского социально-гуманитарного знания должны быть разрушены когнитивные основания символического хронотопа украинской политической идентичности посредством возвращения к подлинным смыслам национально-государственного бытия России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шафаревич И.Р. Русофобия. Москва: Алгоритм; 2022. 352 с.
2. Нестеров Ф.Ф. Русский сфинкс // Пульс-89: Молодёжный общественно-политический альманах. Москва: Молодая гвардия; 1989. 223 с.
3. Халас Э. Символы и общество. Интерпретативная социология. Харьков: Гуманитарный центр; 2021. 296 с.
4. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Идентичность и символический хронотоп. Москва: Канон+; 2021. 304 с.
5. Нийнлуото И. Критические замечания о когнитивном релятивизме // Релятивизм как болезнь философии. Москва: Канон+; 2015. 392 с.
6. Ирхин Ю.В. Методология и методика современного политического анализа: подходы и проблемы. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2012; 6:71-80.
7. Ильин А.Н. Русофобия как идеологический тренд в информационном пространстве Запада. *Свободная мысль*. 2020; 1:23-34
8. Ильин А.Н. Русофобия Запада, построенная на современных событиях: когда идеологемы противостоят реальности. *Горизонты гуманитарного знания*. 2019; 1:14-47. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2019.1.2>
9. Сизов С.Г. Русофобия как разновидность политического и культурного экстремизма (Украина и Россия). *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2015; 2(43):254-257
10. Гуляев А.И. Истоки украинской русофобии. *Власть*. 2023; 4:254-257. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9697>
11. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола, Сборник //

- Вступ. статья и комментарии М.Б. Смолина. Москва: Издательство журнала «Москва»; 1992. 432 с.
12. Украинская болезнь русской нации. Москва: Имперская традиция; 2004. 560 с.
 13. Русская Галиция и «мазепинство». Москва: Имперская традиция; 2005. 592 с.
 14. Щёголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. Москва: Имперская традиция; 2004. 472 с.
 15. Багдасарян В.Э. Украинский нацизм. Исторические истоки. Москва: Издательство «Наше завтра»; 2023. 528 с.
 16. Касьянов Г.В. Украина и соседи: историческая политика 1987-2018. Москва: НЛЮ; 2019. 632 с.
 17. Багдасарян В.Э., Журавлёв В.В., Ларионов А.Э., Федорченко С.Н., Шульц Э.Э. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. Москва: Проспект; 2022. 304 с.
 18. Ларионов А.Э. Власть и память: советское прошлое в исторической политике постсоветских режимов. *Власть*. 2021; 6(29):173-177. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8710>
 19. Шевченко Т.Г. Катерина. URL: [https://uk.wikisource.org/wiki/Кобзарь_\(1876\)/Том_1/Катерина](https://uk.wikisource.org/wiki/Кобзарь_(1876)/Том_1/Катерина) (дата обращения 30.03.2024)
 20. Жизнь в оккупации. Винницкая область 1941-1944 гг. (Документы советской истории) / сост. В.Ю. Васильев и др. Москва: РОССПЭН; 2010. 856 с.
 21. Крашенинникова В., Суржик Д. Украинский национализм на службе Западу. Москва: Кучково поле; 2023. 144 с.
 22. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. Москва: Политиздат; 1969. 584 с.
 23. Кузнецов Д. Русофобия в украинском кино. URL: <https://vernisky.ru/uploads/documents/549c6b7af2ad471e773c6f93.pdf> (дата обращения 30.03.2024)
 24. История притеснений Украинской Православной Церкви. 2 декабря 2022. URL: <https://tass.ru/info/16486349?ysclid=lui4m81hv7995707654> (дата обращения 02.04.2024)
 25. Сергей «Спайкер» Сакин. Ветераны двух чеченских кампаний об участии украинских наёмников. 23 сентября 2014. URL: <https://www.ridus.ru/veterany-dvuh-chechenskih-kampanij---ob-uchastii-ukrainskih-naemnikov-167910.html> (дата обращения 02.04.2024)

REFERENCES:

1. Shafarevich I.R. Russophobia. Moscow: Algorithm; 2022. 352 p. (In Rus).
2. Nesterov F.F. Russian Sphinx // Pulse-89: Youth socio-political almanac. Moscow: Young Guard; 1989. 223 p. (In Russ.).
3. Halas E. Symbols and society. Interpretive Sociology. Kharkov: Humanitarian Center; 2021. 296 p. (In Russ.).
4. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Identity and symbolic chronotope. Moscow: Kanon+; 2021. 304 p. (In Russ.).
5. Niiniluoto I. Critical remarks about cognitive relativism. Relativism as a disease of philosophy. Moscow: Kanon+; 2015. 392 p. (In Russ.).
6. Irkhin Yu.V. Methodology and techniques of modern political analysis: approaches and problems. *Problem analysis and public management design*. 2012;6:71-80. (In Russ.).
7. Ilyin A.N. Russophobia as an ideological trend in the Western information space. *Free thought*. 2020;1:23-34 (In Russ.).
8. Ilyin A.N. Russophobia of the West, built on modern events: when ideologies confront reality. *Horizons of humanitarian knowledge*. 2019;1:14-47. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2019.1.2> (In Russ.).
9. Sizov S.G. Russophobia as a type of political and cultural extremism (Ukraine and Russia).

- Bulletin of Omsk University. Series "Law".* 2015;2(43):254-257 (In Russ.).
10. Gulyaev A.I. The origins of Ukrainian Russophobia. *Power.* 2023;4:254-257. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v3i4.9697> (In Russ.).
 11. Ukrainian separatism in Russia. Ideology of national schism, Collection // Intro. article and comments by M.B. Smolina. Moscow: Publishing house of the magazine "Moscow"; 1992. 432 p. (In Russ.).
 12. Ukrainian disease of the Russian nation. Moscow: Imperial Tradition; 2004. 560 p. (In Russ.).
 13. Russian Galicia and "Mazepinism". Moscow: Imperial Tradition; 2005. 592 p. (In Russ.).
 14. Shchegolev S.N. History of "Ukrainian" separatism. Moscow: Imperial Tradition; 2004. 472 p. (In Russ.).
 15. Bagdasaryan V.E. Ukrainian Nazism. Historical origins. Moscow: Publishing House "Our Tomorrow"; 2023. 528 p. (In Russ.).
 16. Kasyanov G.V. Ukraine and its neighbors: historical politics 1987–2018. Moscow: NLO; 2019. 632 pp. (In Russ.).
 17. Bagdasaryan V.E., Zhuravlev V.V., Larionov A.E., Fedorchenko S.N., Shultz E.E. Perception of the Soviet past in the context of the formation of new identities, memory wars and images of the future in the post-Soviet space. Moscow: Prospekt; 2022. 304 p. (In Russ.).
 18. Larionov A.E. Power and memory: the Soviet past in the historical politics of post-Soviet regimes. *Power.* 2021;6(29):173-177. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8710> (In Russ.).
 19. Shevchenko T.G. Katerina. URL: [https://uk.wikisource.org/wiki/Kobzar_\(1876\)/Volume_1/Katerina](https://uk.wikisource.org/wiki/Kobzar_(1876)/Volume_1/Katerina) [accessed: 30.03.2024] (In Russ.).
 20. Life under occupation. Vinnytsia region 1941–1944 (Documents of Soviet history) / comp. V.Yu. Vasiliev et al. Moscow: ROSSPEN; 2010. 856 p. (In Russ.).
 21. Krashenninnikova V., Surzhik D. Ukrainian nationalism in the service of the West. Moscow: Kuchkovo Pole; 2023. 144 p. (In Russ.).
 22. Lenin V.I. Will the Bolsheviks retain state power // Lenin V.I. PSS. T. 34. Moscow: Politizdat; 1969. 584 p. (In Russ.).
 23. Kuznetsov D. Russophobia in Ukrainian cinema. URL: <https://vernsky.ru/uploads/documents/549c6b7af2ad471e773c6f93.pdf> [accessed: 30.03.2024] (In Russ.).
 24. History of oppression of the Ukrainian Orthodox Church. December 2, 2022. URL: <https://tass.ru/info/16486349?ysclid=lui4m-81hv7995707654> [accessed: 02.04.2024] (In Russ.).
 25. Sergey "Spiker" Sakin. Veterans of two Chechen campaigns about the participation of Ukrainian mercenaries. September 23, 2014. URL: <https://www.ridus.ru/veterany-dvuh-chechenskikh-kampanij---ob-uchastii-ukrainskikh-naemnikov-167910.html> [accessed: 02.04.2024] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Арсентий В. Глебездин, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
senagleb@gmail.com

Arsenti V. Glebezdin, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
senagleb@gmail.com

Особенности системной истории международных отношений и мировой политики

Ирина В. Колосова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

tenagadalam@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности системного подхода к изучению истории международных отношений и мировой политики. Международные отношения исследуются как единый сложный организм, свойства которого не сводимы к сумме свойств его частей. Свобода действий государств ограничивается рамками системы международных отношений, частью которой они являются. Каждая из систем имеет свои временные и пространственные характеристики. В период раннего Нового времени происходит процесс формирования национальных государств. В XVII веке крупнейшим событием международной жизни стала Тридцатилетняя война, по итогам которой формируется Вестфальская система международных отношений. В XIX в. после победы над Наполеоном складывается Венская система международных отношений. Вестфальская и Венская системы являются европейскими региональными системами. По итогам Первой Мировой войны складывается Версальско-Вашингтонская система, которая представляет собой первую в истории попытку формирования глобальной системы международных отношений. После победы антигитлеровской коалиции во Второй Мировой войне складывается глобальная биполярная Ялтинско-Потсдамская система, просуществовавшая вплоть до распада СССР. В настоящее время формируется новая система международных отношений, характерными чертами которой являются полицентричность и многообразие акторов.

Ключевые слова: Система международных отношений, Вестфальская система, Венская система, Версальско-Вашингтонская система, Ялтинско-Потсдамская система, баланс сил, однополярность, биполярность, полицентричность

Для цитирования: Колосова И.В. Особенности системной истории международных отношений и мировой политики. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(2):168–180. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-168-180>

Поступила 12.02.2024

Принята в печать 17.04.2024

Опубликована 30.06.2024

The Specific Features of the Systemic History of the International Relations and World Politics

Irina V. Kolosova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

tenagadalam@yandex.ru

Abstract: the article considers the specific features of the systemic approach to the history of the international relations and world politics. International relations are viewed as a single complex organism, which is greater than the sum of its parts. The freedom of actions of the states is limited by the frames of the system of international relations, the part of which they are. Each system has its spatial and temporal characteristics. In the period of the Early Modern Age the process of formation of the national states unrolls. In the XVII century The Thirty Years' War became the largest event of the international life, at the end of which the Westphalian system of the international relations was born. In the XIX century after the victory over Napoleon the Vienna system of international relations develops. Both Westphalian and Vienna systems are European regional systems. The end of the World War I war resulted in formation of the Versailles-Washington world order, which was the first attempt to build the global system of the international relations. After the victory of the anti-Hitler coalition in the World War II the global bipolar Yalta-Potsdam system was built, which existed till the dissolution of the USSR. At the present moment the new system of international relation is developing, with polycentrism and diversity of actors as its' specific features.

Keywords: System of international relations, Westphalian system, Vienna system, Versailles-Washington system, Yalta-Potsdam system, balance of powers, unipolarity, bipolarity, polycentricism

For citation: Kolosova I.V. The Specific Features of the System History of the International Relations and World Politics. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(2):168–180. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-168-180>

Received 12.02.2024

Revised 17.04.2024

Published 30.06.2024

ВВЕДЕНИЕ

Системный подход исходит из представления о международных отношениях и мировом политическом процессе как о самостоятельной реальности, имеющей собственную логику развития [1]. Международные отношения представляют собой специфическую форму общественных отношений, которая выражается в совокупности политических, дипломатических торгово-экономических, военных, культурных и прочих взаимодействий между субъектами, действующими на мировой арене. Основными акторами международных отношений традиционно выступают государства и их союзы. Система международных отношений является формой их политической организации, закреплённой в договорах,

и основанной на соотношении сил входящих в нее государств.

В рамках системного подхода международные отношения исследуются как единый сложный организм, свойства которого не сводимы к сумме свойств его частей. Свобода действий каждого государства ограничивается рамками системы международных отношений, частью которой оно является [2:76–83]. Изменение поведения одного или нескольких акторов системы способны вызвать изменение во всей системе [3:3–25]. Поэтому внешнюю политику любого государства невозможно понять вне контекста системы международных отношений [1].

Каждой системе международных отношений присущи свои временные и пространственные характеристики. В ходе

всемирно-исторического процесса последовательно сменялись геополитические эпохи или силовые поля: каждая эпоха представлена своим балансом сил, зонами влияния и границами. Международные отношения развивались в рамках региональных систем, каждая из которых обладает особенностями политико-экономического и культурного развития. Классический пример — европейские региональные системы международных отношений — Вестфальская и Венская. Как указывает автор четырехтомного труда по системной истории международных отношений российский исследователь А.Д. Богатуров, «вся история международных отношений протекала под знаком борьбы за гегемонию, то есть за бесспорно преобладающие позиции в мире, точнее, в той его части, которая в конкретный момент исторического времени считалась миром-вселенной или ойкуменой» [1].

По мере складывания мирового рынка и нарастания интеграционных тенденций в мире происходит формирование глобальной системы международных отношений, примерами которой стали Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Потсдамская системы в XX в. Региональные системы являются автономными составляющими единой сложной структуры глобальной системы международных отношений, при этом они подчиняются внутренней логике ее развития [4:5–11].

Ведущее место в системе международных отношений принадлежит великим, или мировым державам. На каждом историческом этапе великодержавный статус определялся рядом факторов: территориальным, военным, экономическим потенциалом, уровнем политического, культурного развития страны, степенью влияния на общемировые процессы. Интересы великой державы, как правило, выходят

за региональные рамки и приобретают мировой характер [4:5–11]. Однако статус великой державы не является постоянной величиной. Так в середине XIX в. Османская империя утратила свой великодержавный статус, а объединившаяся в 1871 г. Германия приобрела; после Первой мировой войны рухнули Австро-Венгерская, Германская, Российская и Османская империи, а в число мировых держав выдвинулись США.

Великие державы представляют собой системообразующий элемент, а соотношение сил между ними предопределяет общий баланс сил в каждой конкретной системе. При этом средние и малые государства также влияют на общий баланс сил. Динамическое равновесие представляет собой частный случай баланса сил, который соответствует как минимум балансу интересов великих держав. Система чутко реагирует на действия той или иной державы или группы стран, направленные на нарушение равновесия, и стремится их блокировать — так проявляется закон равновесия системы, действие которого обеспечивает международную безопасность [4:8–10].

Национальная безопасность каждой страны представляет производную величину от международной безопасности. Взаимоотношения государств внутри системы определяются их отношением к существующему балансу сил. Некоторые акторы стремятся его закрепить (т. н. государства-балансиры), другие трансформировать, а третьи — разрушить. В зависимости от этого государства строят свои отношения друг с другом как союзники, партнеры или соперники [4:9]. Когда новые явления всемирно-исторического процесса входят в противоречие со сложившейся системой международных отношений, меняется устоявшийся баланс сил. В результате система либо эволюционирует, либо

рушится. Так возникновение новых явлений в экономике, массовых идеологий, подъем национальных движений способны вызвать крушение многонациональных империй и нарушить сложившийся баланс сил. Распад прежней системы международных отношений и зарождение новой сопровождается крупными международными конфликтами и войнами, победа в которых увеличивает мощь тех или иных государств и закрепляет новый баланс сил.

ВЕСТФАЛЬСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Системная история международных отношений начинает исследование европейских систем международных отношений с периода раннего Нового времени, когда происходит процесс формирования национальных государств. Рубеж средневековья и раннего Нового времени был эпохой великих географических открытий и колониальных захватов. Географические открытия, первые кругосветные путешествия сформировали новые представления европейцев о мире в целом, и привели к изменению геополитических интересов европейских держав. Объем колониальных богатств, и как их следствие рост финансового благосостояния, стал определять место государства в международных отношениях. Накопление капитала способствовало большей свободе и независимости европейских стран, где повсеместно происходит рост национального самосознания. Постепенно формируются централизованные государства на национальной основе по преимуществу в форме абсолютной монархии — Англия, Франция, Испания, Португалия, Дания, Швеция, Республика Соединенных Провинций и другие.

На протяжении всего периода Средневековья значительную роль в жизни общества играла Католическая Церковь.

Являясь крупным феодалом, церковь в разных государствах Западной Европы владела до 1/3 количества пахотных земель. Она формировала идеологию феодального общества, обосновывая его справедливость и богоугодность. Европейские монархи шли на любые затраты, дабы получить санкцию от Римских пап на свое господство.

Главным содержанием стадии позднего феодализма является процесс зарождения в его недрах капиталистического способа производства. С конца XV в. в Европе началось формирование класса буржуазии, постепенно захватывавшего в свои руки экономику, а затем устремившегося и к политической гегемонии. В ходе религиозно-политического движения Реформации в Европе в первой половине XVI века произошла повсеместная секуляризация церковных земель. Реформация привела к отпадению от католического мира значительной части германских земель, Англии, Дании, Норвегии, Нидерландов, Швейцарии и Швеции. Формирование национальных государств и постепенное утверждение их суверенитета находилось в явном противоречии со средневековым принципом универсальной христианской империи и власти императора как светского главы католического мира, на что продолжала претендовать династия Габсбургов. В политике впервые в истории появляется принцип государственного интереса, а само государство перестает восприниматься как собственность монарха.

Основным узлом напряжения системы международных отношений в XVII в. становится распад некогда мощной державы — Священной Римской империи во главе с династией Габсбургов. Крупнейшим событием международной жизни стала Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., которая стала одним из самых тяжелых и кровопролитных общеевропейских конфликтов,

затронув практически все страны региона [5]. Война началась как религиозное столкновение между протестантами и католиками Германии, но затем переросла в борьбу против гегемонии Габсбургов в Европе. С одной стороны, выступал габсбургский блок, католические князья Германии и Римский папа, а с другой — антигабсбургская коалиция в лице протестантских князей Германии, а также Дании, Швеции, Нидерландов и Франции. Многолетняя война стала ведущим фактором в определении внешнеполитических приоритетов большинства европейских стран.

24 октября 1648 г. на территории исторической области Вестфалия в католическом епископстве Мюнстер и протестантском Оснабрюке был заключен мир, вошедший в историю как Вестфальский. Целью мирного конгресса было урегулирование конфликта на международном, межконфессиональном и внутриимперском уровнях. Вестфальский мир ознаменовал собой завершение эпохи преобладания Габсбургов в Европе.

Подписание мирного договора не только зафиксировало конкретные территориальные и политико-правовые договоренности, подвело итог многолетнему конфессиональному противостоянию в Европе, но и утвердило новую расстановку сил на континенте. Франция значительно усилила свое политическое могущество. В число великих держав вошла Швеция, получив важнейшие гавани на побережье Северного и Балтийского морей. Была закреплена политическая раздробленность Германии, что фактически обеспечило суверенитет немецких князей. Международное признание государственного суверенитета получил Швейцарский союз и Республика Соединенных провинций.

Если ранее конфессиональный принцип лежал в основе формирования межгосу-

дарственных союзов, то на завершающем этапе Тридцатилетней войны, с объявлением католической Франции войны Испании, этот принцип более не соблюдался. Для формировавшейся региональной системы международных отношений была характерна деидеологизация и секуляризация, межгосударственные союзы в новых условиях становились более гибкими и ситуативными.

В основе Вестфальской системы международных отношений лежит принцип баланса сил. Ключевым фактором новой системы становится признание национального суверенитета. Как указывает исследователь Ю.Н. Саямов, под «вестфальским суверенитетом» понимается политическая система недопущения внешнего влияния на внутреннюю политику независимых государств [6:95–105]. Признание равноправия европейских государств и обязательство следовать положениям вестфальских договоренностей заложили основы формирования международного права. В вестфальскую эпоху значительное развитие получает и дипломатическая практика. В частности, создается система постоянно действующих посольств при иностранных дворах, устанавливается дипломатическая иерархия, развивается дипломатический протокол, формируется представление о дипломатической неприкосновенности. С точки зрения политологии Вестфальская система как система, основанная на балансе сил суверенных государств, существует и поныне.

ВЕНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Крупнейшим событием европейской истории в XVIII веке становится трансформация социальной и политической системы — Франции — Великая Французская революция, приведшая к унич-

тожению в стране абсолютной монархии. С приходом к власти Наполеона Бонапарта Франция превратилась в серьезную угрозу стабильности и безопасности в Европе. Наполеоновские войны 1799–1815 гг. против антифранцузских коалиций европейских государств имели целью установление военно-политического и экономического господства в Франции в Европе, присоединения к ней новых территорий и лишения Англии великодержавного статуса [7:230–261].

После длительного победоносного шествия французских войск и перекройки карты Европы Наполеон вторгается в Россию, где его армия терпит сокрушительное поражение. В период шестой антифранцузской коалиции наступает переломный момент в войне с наполеоновскими войсками, в ходе которого происходит рост национально-освободительного движения в Европе [8:]. В ходе кампании 1813–1814 гг. Россия стала главным оплотом сил союзников, приняв непосредственное участие в освобождении германских земель и Нидерландов, после чего союзническая армия двинулась на Париж. Капитуляция французской армии привела к первому отречению Наполеона от престола. На французский престол вернулась свергнутая революцией династия Бурбонов в лице Людовика XVIII — брата казненного в период Французской революции короля Людовика XVI. Так завершился период непрерывных кровопролитных войн в Европе.

30 мая 1814 г. в Вене был созван конгресс, который подвел итоги наполеоновских войн [9]. Однако работа конгресса была нелегкой из-за сохранявшихся противоречий между интересами стран-победительниц. Дипломатические интриги возникали одна за другой. Во время проведения Конгресса 1 марта 1815 года Наполеон совершил триумфальное

возвращение во Францию. В кабинете короля Людовика XVIII, бежавшего из Парижа, он обнаружил копию тайного соглашения Австрии, Англии и Франции, направленного против России и Пруссии. Наполеон приказал отправить документ в Вену на конгресс и передать его лично российскому императору Александру I, вероятно надеясь на его поддержку. Однако российский император остался непреклонен. Войска седьмой антифранцузской коалиции начали подготовку похода против Наполеона. Поражение в битве при Ватерлоо привело Бонапарта к повторному отречению от престола.

Венский конгресс 1814–1815 гг. определил новую расстановку сил в Европе, обозначив ведущую роль стран-победительниц: России, Австрии и Великобритании в новой системе международных отношений. Во многом инициатором и творцом Венской системы стал Александр I. Для организационного закрепления решений Конгресса по его инициативе создается Священный союз европейских монархов, целью которого являлось поддержание установленного Венским конгрессом международного порядка, сохранение власти правящих династий и недопущение распространения революционного движения в Европе. Священный союз стал первой международной организацией в Европе.

Венская система международных отношений именуется системой Европейского Концерта — баланса сил между европейскими государствами. В рамках этой системы было впервые сформулировано понятие «великой державы». Европейский концерт базировался на общем согласии великих держав: России, Австрии, Пруссии, Великобритании и Франции. Россия укрепила свой великодержавный статус, заняв ведущую роль в международной политике.

В основу системы был заложен принцип контроля географического пространства в пределах колониальных империй. Все спорные вопросы должны были решаться не военными средствами, а дипломатическими — путем созыва международных конференций. Среди таких конференций важное значение имел Парижский конгресс 1856 г., Лондонская конференция 1871 г., Берлинская конференция 1878 г. и другие [10:25-33]. Время существования европейского концерта стало периодом расцвета дипломатии. В Европе были систематизированы и унифицированы дипломатические ранги, закреплены типы консульских учреждений, введено понятие дипломатического иммунитета.

Венская система стала примером обеспечения коллективной безопасности в Европе и позволила на длительный период избежать крупных международных конфликтов. Устойчивость Венской системы была связана с тем, что принципы, которые разделяли правящие элиты ведущих государств, отличались схожестью в видении международных ситуаций. Ведущие державы стремились сохранить status quo международной системы, решая возникавшие проблемы путем компромиссов и коалиционных соглашений. Несмотря на войны, революции и международные кризисы система оставалась стабильной. Гомогенность акторов и их заинтересованность в сохранении сложившегося баланса сил придавали системе устойчивость. С момента Венского конгресса и до начала Первой Мировой войны перечень великих держав оставался прежним.

ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В начале XIX века начали складываться новые исторические условия, приведшие к постепенному крушению Венской

системы международных отношений. Перед лицом острого внутривосточного кризиса оказалась Османская империя, что значительно поколебало ее вес в международной расстановке сил. В связи с этим на политическую арену в отношении Османской империи выходит так называемый «Восточный вопрос», обозначивший международные противоречия, обусловленные борьбой великих держав за раздел турецких владений и национально-освободительным движением подвластных империи народов.

Образовавшаяся после франко-прусской войны в 1871 году Германская империя, активно включилась в борьбу за колонии и стремилась к переделу владений Англии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Португалии. В 1882 году складывается Тройственный союз Германии, Австрии и Италии. Создание этого военно-политического блока стало первым шагом на пути к Первой Мировой войне. Англо-германское соперничество во многих регионах, включая Африку, Азию и Ближний Восток, привело на рубеже веков к созданию коалиции трех держав — Англии, Франции и России (Антанта), целью которой было противостояние Тройственному союзу.

В связи с возросшей угрозой международной безопасности, усилением гонки вооружений и появлением новых видов оружия, возникла идея созыва первой в истории международной конференции по ограничению вооружений. Конференция состоялась в Гааге мае-июле 1899 г. по инициативе России. В ней приняли участие представители двадцати шести стран. На конференции были приняты конвенции о мирном решении международных споров и о законах и обычаях сухопутной войны. В 1907 г. по инициативе российского императора Николая II в Гааге была проведена вторая мирная

конференция, в которой приняли участие сорок три государства.

Тем не менее, перейдя порог века, мир оказался перед лицом назревавшего глобального конфликта. Непосредственным поводом для начала Первой Мировой войны послужило убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 года. В войне участвовали две коалиции: Антанта, в составе России, Франции, Великобритании, Канады, Австралии, Бельгии, Сербии, Италии, Японии, США (с 1917 года), и «Центральные державы», в составе Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии.

Война завершилась победой стран Антанты. 18 января 1919 г. в Париже открылась мирная конференция держав-победительниц и союзных с ними государств. Задачей Парижской (Версальской) конференции была выработка условий мирных договоров со странами Четверного блока и юридическое оформление окончания Первой Мировой войны.

Результатом глобального конфликта стал распад четырех империй, на развалинах которых возникли девять молодых независимых государств и сформировался новый баланс сил в международных отношениях. На конференции был одобрен устав Лиги Наций — первой в истории глобальной организации, созданной по инициативе американского президента Вудро Вильсона и ставший прообразом ООН [11]. Лига Наций как постоянно действующая организаций была призвана стать гарантом нового мирового порядка и не допустить возникновения глобальных конфликтов.

Между тем, американский сенат отказался от ратификации Версальского договора и тем самым заблокировал вступление США в Лигу Наций. Америка

дистанцировалась от европейских проблем, сосредоточив свои интересы исключительно в зоне Западного полушария. Однако для стабильности европейской подсистемы веса Англии и Франции как основных балансиров системы было недостаточно.

Во время проведения Парижской мирной конференции Россия несла тяжелые потери от продолжавшейся иностранной интервенции и Гражданской войны. Не получив приглашение в Версаль, молодое советское государство оказалось аутсайдером европейской и мировой политики. В дальнейшем советской дипломатии пришлось приложить немало усилий для вывода страны из международной изоляции [12:104–107].

Таким образом, две великие державы — США и Россия были свободны от выполнения Версальских договоренностей, а Германия видела главную задачу своей внешней политики в борьбе с унижительными для нее условиями Версальского договора. Сложившаяся расстановка сил сделала Версальскую систему неравновесной, неуниверсальной и нестабильной.

В 1921–1922 гг. по инициативе США состоялась международная конференция в Вашингтоне, которая была посвящена вопросам ограничения морских вооружений и проблемам Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. В отличие от европейской Версальской подсистемы, Вашингтонская подсистема, распространившаяся на Азиатско-Тихоокеанский регион, была более устойчивой, однако также не являлась универсальной, поскольку в ней не участвовали такие крупные державы, как Россия и Китай.

Сложившуюся по итогам Первой Мировой войны систему международных отношений принято именовать Версальско-Вашингтонской. Она стала

первой в мировой истории попыткой формирования глобальной системы международных отношений. Однако, в отличие от предыдущих региональных систем, она оказалась крайне неустойчивой в виду асинхронности трансформационных процессов в обеих подсистемах, и самой не продолжительной по времени.

ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Версальский мир создал предпосылки для роста реваншистских идей в Германии и крайней нестабильности внутри страны, особенно после начала мирового экономического кризиса в 1929 г. В Германии вышло стремление к перекройке европейской карты, которое способствовало возникновению ультраправых сил и приходу к власти нацистов в 1933 г. В этот период Германия игнорирует все ограничения Версальского договора, восстанавливает призыв в армию, наращивает производство вооружений и военной техники приступает к реализации плана по установлению гегемонии в Европе.

Европейские великие державы выбрали выжидательную позицию в отношении Германии. Непосредственный крах Версальско-Вашингтонской системы был засвидетельствован Мюнхенскими соглашениями Великобритании, Франции, Германии и Италии в 1938 году. Мюнхенский договор стал кульминацией британо-французской политики умиротворения агрессора. Последующий аншлюс Чехословакии в 1939 году ознаменовал собой провал этой политики. Экспансионистские планы Гитлера стали явными, поставив Европу и мир перед неизбежностью войны. Вторая мировая война 1939–1945 гг., взорвавшая хрупкое равновесие Версальско-Вашингтонской системы, стала крупнейшим глобальным конфликтом в истории человечества [13: 211-230].

Впервые вопрос о послевоенном урегулировании был поставлен на Тегеранской конференции трех крупнейших держав антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобритании в 1943 году. Контуры будущего биполярного мира начали вырисовываться на Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль-август 1945 года) конференциях «большой тройки», когда отчетливо проявилось усиление влияния СССР и США на мировой политический процесс [14:18].

Германия была разделена на оккупационные зоны, что предопределило раскол страны на десятилетия вперед. Япония капитулировала, Италия утратила свое международное влияние. Союзники по коалиции осознавали, что после исчезновения общего врага вынужденное объединение стран Запада и СССР потеряет смысл, поэтому следовало создать процедуры, гарантирующие неизменность новых границ на карте мира и недопустимость возникновения новых глобальных конфликтов.

Одним из центральных элементов Ялтинско-Потсдамской системы стало создание ООН как краеугольного камня системы международной безопасности. ООН основана на принципе суверенного равенства всех государств-членов, принявших на себя обязательства разрешать международные споры мирными средствами. При решении вопросов по обеспечению мира и международной безопасности в основу деятельности ООН был положен принцип единогласия великих держав. Страны-победительницы в войне, ядерные державы: СССР, США, Великобритания, Франция и Китай, стали постоянными членами Совета Безопасности ООН, обладающими правом вето.

В послевоенном мире усилилась взаимозависимость стран и регионов. Ялтинско-Потсдамская система является первой

в истории всемирной и всеобъемлющей глобальной системой международных отношений. При этом особенностью формирования нового мирового порядка был его конфронтационный характер. 4 апреля 1949 года начинается политическое оформление западного блока созданием Организации Североатлантического договора, а 14 мая 1955 года оформляется социалистический блок созданием Организацией Варшавского договора [15:29–38].

Характерным явлением послевоенной системы международных отношений была «холодная война», выражавшаяся в блоковом мышлении, неизменном политико-идеологическом противостоянии, гонке вооружений, равновесии страха и угрозы ядерной войны [16:3–21]. Ядерное оружие становится инструментом сдерживания, поскольку ни одна из двух сверхдержав не могла пойти на риск широкомасштабного конфликта перед угрозой ответного удара, способного нанести неприемлемый ущерб. Поэтому Ялтинско-Потсдамская система оставалась устойчивой и стабильной вплоть до распада СССР и формирования нового баланса сил и мирового политического порядка [17].

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С 1991 г. наступает однополярный момент в системе международных отношений, когда баланс сил резко изменяется в пользу США и стран Запада. В этот период правопреемник СССР — Россия была сосредоточена на сохранении собственной идентичности, оказавшись в зоне экономической турбулентности в силу крушения единого советского хозяйственного комплекса и необходимости поиска оптимальной модели дальнейшего политического и экономического развития. Бывшие

союзники по соцлагерю стали осознавать неопределенность политического и экономического веса России в регионе и в мире, в связи с чем страна начала терять пояс добрососедства по периметру своих границ. Возникший вакуум силы США и страны Запада стремились использовать для реализации своих геополитических интересов.

После стабилизации ситуации в стране, произошло упрочение позиции России как одного из влиятельных центров силы в новой формирующейся системе международных отношений [18]. Также на мировой арене укрепились новые центры силы, такие как Китай, Индия, страны арабского мира и другие государства. Сокращаются возможности доминирования стран Запада, поскольку происходит рассредоточение мирового потенциала силы и его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион [18]. Начала вырисовываться полицентрическая архитектура нового миропорядка [19].

Вместе с тем, в международных отношениях сохраняется инерция конфронтационного мышления времен «холодной войны». Россия продолжает восприниматься Западом как потенциальный агрессор, которого необходимо сдерживать любыми средствами. В условиях усиления нестабильности мировой политической и экономической системы, происходит наращивание силового потенциала на международной арене, что подрывает устойчивость формирующегося баланса сил. Одним из дестабилизирующих факторов современного мира является усиление угрозы международного терроризма. Современные международные отношения характеризуются сложным многообразием акторов, среди которых, важное значение приобретают негосударственные структуры и организации [20]. В связи с усложнением среды мировой политики и международных отношений можно

говорить об эрозии Вестфальской системы, которая базировалась на балансе сил государств и их союзов [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, начиная с периода раннего Нового времени были сформированы четыре системы международных отношений, каждая из которых внесла свою лепту в формирование современного мирополитического процесса. Вестфальская система привнесла понятие национального суверенитета, Венская система европейского концерта способствовала развитию международного права и дипломатии. Версальско-Вашингтонская система наметила контуры формирующегося

глобального миропорядка, а Ялтинско-Потсдамская система заложила краеугольный камень международной безопасности в лице ООН. Каждая из систем базировалась на принципе баланса сил и проходила в своем развитии несколько фаз от становления до распада [22:47–54]. Стабильность систем международных отношений зависела от их способности противодействовать деструктивным внутренним и внешним факторам [17]. Крах старой системы сопровождался длительными региональными или глобальными военными конфликтами, в результате которых формировался новый баланс сил и складывалась новая система международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Системная история международных отношений в четырех томах, под ред. Богатурова А.Д. Москва: Московский рабочий; 2000. Т.1. URL: <http://www.obraforum.ru/lib/book1/index.htm>. (дата обращения: 17.09.2022)
2. Ланко Д.А. Аналитический и системный подходы в исследовании международных отношений. *Вестник СПбГУ. Серия 6*. 2011;4:76–83.
3. Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2013;5:3–25.
4. Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития. Москва: МГИМО; 1995. С.5–11.
5. Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618–1648) в событиях и коллективной памяти Европы / науч. ред., сост. Ю.Е.Ивонин, Л.И.Ивонина. Москва: Транслит; 2015. 564 с.
6. Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его границы вчера и сегодня. *Век глобализации*. 2018;3:95–105.
7. Кортунув С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка. *Безопасность Евразии*. 2007;4:230–261.
8. Тарле Е.В. Наполеон. Москва: Юрайт; 2021. 359 с.
9. Мартенс Ф.Ф. современное международное право цивилизованных народов (по изданию 1905 г.), Т.2, Москва: Юрид. Колледж МГУ; 1996. 369 с.
10. Фархутдинов И.З. Война и мир в контексте международного права. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права. *Евразийский юридический журнал*. 2020;2:25–33.
11. Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. Москва: Международные отношения; 1989. 322 с.
12. Хахалкина Е.В. и др. Версальско-Вашингтонская система международных отношений глазами российских историков. *Вестник Томского государственного университета, История*. 2020;63:104–107.
13. Космач В.А. Причины и начало Второй Мировой войны: некоторые уточнения и переоценки. *Метаморфозы истории*. 2016;8:211–230.

14. Нарочницкая Н.А. Геополитические итоги Ялтинской конференции и их роль в истории XX века. Ялта: 1945. Прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной конференции. сост Е.А.Бондарева. Москва: Астрей; 2015. С.18.
15. Назаров В.П. Ялтинско-Потсдамские соглашения и новый миропорядок. *Обозреватель*. 2020;5:29-38.
16. Сетов Р.А. «Холодная война»: современные трактовки в теории международных отношений. *Вестник Московского Университета. Серия: История*. 2008;2:3-21.
17. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А. Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. Москва: Мысль; 2002. 380 с.
18. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 17.09.2022)
19. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ, отв. Ред. Кокошин А.А., Богатуров А.Д. Москва: КомКнига; 2005. 432 С.
20. Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge MA: Blackwell; 1996. P.230.
21. Keohane R.O., Nye J.S. Introduction. Transnational Relations and World Politics. R.O.Keohane, J.S.Nye (Eds.) Cambridge: Harvard University Press; 1972. P.329-349.
22. Лебедева М.М. Актеры в международных отношениях и мировой политике. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktory-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-i-mirovoy-politike/> (дата обращения: 17.09.2022)
23. Крайнов Г.Н. Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе. *Ученые записки Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова*. 2015;1:47-54.

REFERENCES:

1. A Systemic History of the International Relations in Four Volumes, ed.Bogaturov A.D. Moscow: Moskovsky rabochiy; 2000. Vol.1. URL: <http://www.obraforum.ru/lib/book1/index.htm>. (дата обращения: 17.09.2022)
2. Lanko D.A. Analytical and Systematic Approaches to the Study of International Relations. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6*. 2011;4:76-83. (In Russ.).
3. Tsygankov P.A. A Systematic Approach in the Theory of the International Relations. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political science*. 2013;5:3-25. (In Russ.).
4. Kleimenova N.E., Sidorov A.Y. The Versailles-Washington System of International Relations: Formation and Development Issues. Moscow: MGIMO; 1995. pp.5-11. (In Russ.)
5. The Crisis and the Tragedy of the Continent. The Thirty Years' War (1618-1648) in the Events and Collective Memory of Europe / scientific ed., comp. Yu.E.Ivonin, L.I.Ivonina. Moscow: Trans-Lit; 2015. 564 p. (In Russ.).
6. Sayamov Yu.N. The Westphalian World and its Borders: Yesterday and Today. *The Age of Globalization*. 2018;3:95-105. (In Russ.).
7. Kortunov S.V. The Collapse of the Westphalian System and the Development of a New World Order. *Security of Eurasia*. 2007;4:230-261. (In Russ.).
8. Tarle E.V. Napoleon. Moscow: Urait; 2021. 359 p. (In Russ.).
9. Martens F.F. Modern International Law of Civilized Nations (according to the edition of 1905), Vol. 2, Moscow: Moscow State University College of Law; 1996. 369 p. (In Russ.).
10. Farhutdinov I.Z. War and Peace in the Context of the International Law. The Experience of Doctrinal Research of the Issues of Formation of the Modern Model of the International Relations in the Context of Development of

- the International Law. *Eurasian Law Journal*. 2020;2:25-33. (In Russ.).
11. Utkin A.I. Woodrow Wilson's Diplomacy. Moscow: International Relations; 1989. 322 P. (In Russ.).
 12. Khakhalkina E.V. et.al. The Versailles-Washington System of the International Relations through the Eyes of the Russian Historians. *Bulletin of Tomsk State University, History*. 2020;63:104-107. (In Russ.).
 13. Kosmach V.A. The Causes and the Beginning of the Second World War: Several Clarifications and Reassessments. *The Metamorphoses of History*. 2016;8:211-230. (In Russ.).
 14. Narochnitskaya N.A. The Geopolitical Results of the Yalta Conference and their Role in the History of the XX Century. Yalta: 1945. The Past, the Present, the Future. Materials of the International Conference, comp. E.A.Bondarev. Moscow. Astraea; 2015. P.18. (In Russ.).
 15. Nazarov V.P. The Yalta-Potsdam Agreements and the New World Order. *The Observer*. 2020;5:29-38. (In Russ.).
 16. Setov R.A. "The Cold War": Modern Interpretations in the Theory of the International Relations. *Bulletin of Moscow University. Series: History*. 2008;2:3-21. (In Russ.).
 17. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. Essays on the Theory and Political Analysis of the International Relations. Moscow: Mysl; 2002. 380 P. (In Russ.).
 18. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (Approved by the President of the Russian Federation V.V.Putin on November 30, 2016). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ [accessed: 17.09.2022] (In Russ.).
 19. World Politics: Theory, Methodology, Applied Analysis, ed. Kokoshin A.A., Bogaturov A.D. Moscow: KomKniga; 2005. 432 P. (In Russ.).
 20. Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge MA: Blackwell; 1996. P.230.
 21. Keohane R.O., Nye J.S. Introduction. Transnational Relations and World Politics. R.O.Keohane, J.S.Nye (Eds.) Cambridge: Harvard University Press; 1972. P.329-349.
 22. Lebedeva M.M. Actors of the International Relations and World Politics. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktory-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-i-mirovoy-politike/> [Accessed: 17.09.2022] (In Russ.).
 23. Krainov G.N. Evolution of the System of the International Relations and its Features at the Present Stage. *Scientific Notes of the Khujand State University named after Academician B.Gafurov*. 2015;1:47-54. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ирина В. Колосова, Кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1; tenagadalam@yandex.ru

Irina V.Kolosova, PhD (history), Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; tenagadalam@yandex.ru

